Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

НАТО

ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

КРОКОДИЛ

№ 32 • НОЯБРЬ 1974

— Так вы считаете, теперь у меня все в порядке?

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Вадим ПОЛУЯН

ХИМИЧЕСКОЕ РАНДЕВУ

Я не ценил соседку Феню
За неприметную красу,
Но Феня превратилась в фею,
Когда явилась мне в лесу.
Не выбрал до сих пор жены я,
И вдруг не в городе, а за
Влюбился в локоны живые
И в родниковые глаза.
Тревожат в пункте населенном
Огни машин и шорох шин.
Тянуло нас к полям зеленым,
Где все тропинки хороши.
Остались позади заводы
И трубы в дымных париках.
Что за растенья! Что за воды!
Какая тишь на берегах!
Здесь, на просторе, мать-природа

Нас умиляет и бодрит.
Как сладок запах... углерода!
Как освежающ... ангидрид!
Аукнешь — тут же эхо вторит.
Куда ни глянь — цветов набор.
А воздух ароматно... фторист,
И пьяно... хлорист хладный бор.
Здесь лис живых искать не надо,

Зато до пажити ржаной
К нам «лисий хвост» от комбината
Тянулся пышной рыжиной.
Устанешь от служебной лямки:
Бумаги, лифты, этажи...
А тут — блаженствуй на полянке,
Свинцовой окисью дыши.
По рощам, химией продутым,

Бродили мы — в руке рука,
И радужным нефтепродуктом
Сияла сонная река.
Журчал поток на перекатах,
А мы смывали зной дневной,
Купаясь в ядохимикатах,
Играя фосфорной волной.
Ох эти окиси и закиси!

Свершил я в жизни поворот:
Соединился с милой в ЗАГСе,
Как с кислородом водород.
Теперь мы с ней, оставив ужин,
Уходим в лес, как в цех родной,
Она — с хлорированным мужем,
Я — с газированной женой.
Все для ухи с собой везу я.
Макрурус сварим над огнем...
«Наш комбинат дымней Везувья»,—
Бывает, шутим мы о нем.
Не знаем в отдыхе загвоздок,
Нас не тревожит птичий крик.
Не химик злится:
«Что за воздух!»—
А химик дышит.
Он привык.

ВИЛЫ В БОК!

НОЕВ КОВЧЕГ

Помните библейский миф о Ное и его ковчеге, который, согласно легенде, после того, как прекратился потоп, остановился на горах Араратских?

Недавно на берегу реки Большой Иргиз, на горе около старой мельницы, обнаружена еще одна стоянка ковчега — пугачевского.

И, естественно, у пугачевцев есть свое сказание. Как рассказывают старожилы, каждую весну, когда река Иргиз разливалась, как море, в Пугачевске (Саратовская область) происходил свой местный потоп. Перед жителями города вставала проблема, как перебираться с одного берега на другой. Вот тогда и приходил им на помощь ковчег, по-местному баржа, и перевозил семь пар чистых. Но несколько лет назад ковчег-баржу выбросило на берег, и пугачевские нои, принеся ее в жертву богу бесхозяйственности, ушли в неизвестность. И только семь пар нечистых еще не забывают ковчег и потихоньку его растаскивают.

В. СИНЦОВА.

ЦЕНЫ С ПОТОЛКА

Раньше было вот как. Стриг цирюльник своего клиента, а потом клал цену — какую бог на душу положит. Тогда клиент начинал торговаться, и в конце концов они приходили к компромиссному решению.

Теперь все по-другому. Теперь в наших отечественных цирюльнях нет места самодеятельности. Теперь там есть железный прейскурант.

Хочет, например, тов. Голубков постричься и побриться. Приходит он в соответствующее отделение комбината бытового обслуживания № 1 города Куйбышева (или, проще говоря, в парикмахерскую на рыночной площади). Мастер С. Шустер в один момент бреет, стрижет и, естественно, освежает клиента пахучей жидкостью без названия.

Настает час расплаты Тов. Голубков заглядывает в рабочую карточку парикмахера, видит там проставленную сумму — 50 копеек и протягивает рубль. Мастер берет деньги и приглашает следующего клиента. Тогда тов. Голубков смущенно намекает, что, дескать, неплохо бы получить с рубля сдачу.

— Какую такую сдачу? — не понимает работница сервиса С. Шустер.— В карточке же ясно написано: 50 копеек — два раза. Второй раз — за одеколон.

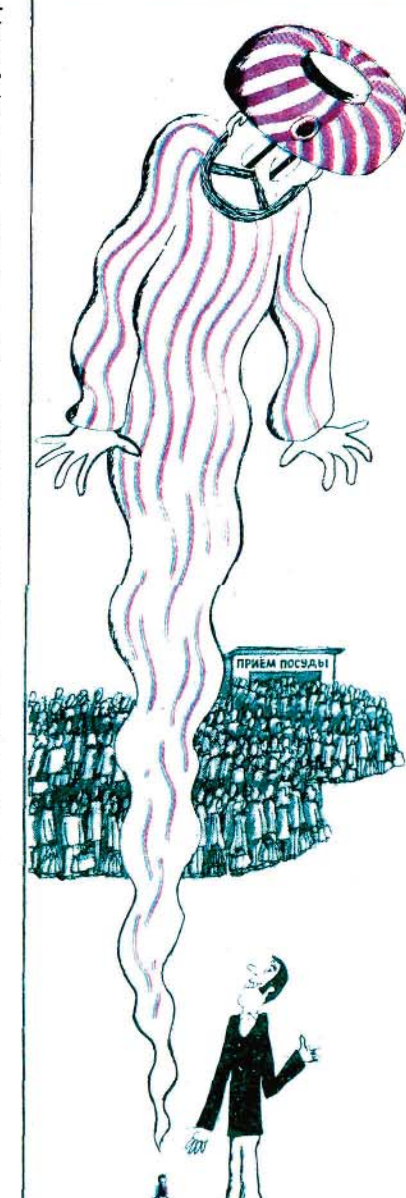
— Да? — не верит тов. Голубков.— А прейскурант у вас есть?

— Есть,— отвечает парикмахер и показывает пальцем на потолок. И клиент видит высоко на стене лист бумаги, где мелким типографским шрифтом что-то напечатано.

Тов. Голубков не решается лезть на стул и рассматривать прейскурант. Он идет домой и пишет письмо в газету «Волжская заря». На запрос редакции директор комбината бытового обслуживания № 1 тов. Иванов отвечает, что, оказывается, не правы ни клиент, ни парикмахер. «За оказанную услугу,— пишет директор, — следовало уплатить 1 руб. 13 коп. (стрижка простая — 25 коп., бритье бороды — 13 коп. и освежение высококачественным одеколоном «Красная Москва» на голову — 50 коп. и на лицо — 25 коп.). Приказом по комбинату мастеру С. Шустер объявлен выговор».

Теперь вам понятно, какое это полезное изобретение — прейскурант?

Мих. КАЗОВСКИЙ.

— Я хочу тебя испытать. Мое первое желание — сдай бутылку, из которой я тебя выпустил.

Рисунок А. СЕМЕНОВА

ВОДА, ВОДА...

У меня в квартире, извиняюсь, с туалетным сливным бачком беда случилась: вода сливается непрерывно — ведер сто в сутки.

Пошел в ЖКО-3, вызвал слесаря-водопроводчика. Пришел водопроводчик. Стучал, стучал по трубам, думал.

— Да, тут надо еще подумать,— сказал, подумав, и ушел.

На другой день я опять в ЖКО. Опять прислали водопроводчика.

Пришел. Не стуча и не долго думая, объявил:

— Вентиль новый нужен.

Я снова в ЖКО.

— Ничего не понимаем, — сказали там. — Вроде у вас все уже сделано.

Но водопроводчика все-таки прислали.

Он тоже не стучал по трубам, просто сказал, что в одной из них дырка, а лишние дырки в трубах нежелательны.

— Все-таки новый вентиль надо,— говорит.

Я тогда к главному инженеру пошел. Им оказалась симпатичная девушка, видимо, с высшим образованием, потому что она делила:

— Вам нужно заменить экран. Уплатите за него в сберкассу.

Заплатил. Принес новый экран, а нам уже, оказывается, новый вентиль поставили, но вода по-прежнему хлещет.

Правда, теперь я уже немного наловчился: когда надо, перекрываю вентиль, а там, где вода все-таки каплет из труб, ставлю ведра.

А слесарей больше не зову. Наскучило.

Н. КОРОЛЕВ.
г. Сыктывкар.

ЗАСТРАХОВАТЬ ОТ БЕЗДУШИЯ

В 1967 году над жильцами шестого этажа нашего дома нависла крупная неприятность в виде рекламы Госстраха, укрепленной на крыше. Те, кто устанавливал рекламу, превратили крышу в решето. Уже семь лет осадки обильно льются на головы жильцов верхних квартир, на их имущество, которое призывает застраховать сияющая на весь город реклама Госстраха. А вот застраховать жильцов от бездушия коммунальников Госстрах не в состоянии.

В. ШЕМЯГИН
г. Мурманск.

ЖИВУЧАЯ ТРАДИЦИЯ

Еще Ильф и Петров подметили, что с едой на железнодорожном транспорте дело обстоит хуже, чем в прочих местах. И грязно, и невкусно, и вообще. Они объясняли это тем, что пассажир, как правило, боится опоздать на поезд и не успевает предъявить никаких претензий.

Ну, за тридцать лет на транспорте произошла полная революция. И скорость, и комфорт, и сервис! Все изменилось, за исключением приготовления пищи.

Вот железнодорожная столовая № 4 на станции Муром, Горьковской железной дороги. Грязища там — не приведи, господи! Помои не вынесены со вчерашнего дня, тряпки для мытья посуды грязные, естественно, стаканы и тарелки тоже остаются грязными, их просто страшно взять в руки. Ковши для разлива супа валяются на полу.

Что касается пищи, то и она не лучше. Шницеля несвежие, макароны холодные и несоленые, гнилая рыба лежит на столе, где разделывают мясо.

Может, кто подумает, что автор, дескать, сгустил краски — так нет! Эти красоты обнаружил рабочий контроль вагонного депо. И обедают-то в этой столовой сами железнодорожники. Им на поезд спешить не надо. А вот традиция готовить еду наспех и кое-как осталась. Живучая традиция.

А. Н.

— Кровли жажду!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«НЕГАТИВНЫЙ ПОЗИТИВ»

Взглянув на фотоснимок, напечатанный в журнале № 21, никто не сказал бы, что это хлебоприемный пункт. Как говорилось в заметке «Негативный позитив», территория Никифоровского хлебоприемного пункта (Тамбовская область) скорее смахивала на склад металлолома.

Как сообщает секретарь Никифоровского райкома КПСС тов. А. Бударин, приняты меры: проведено асфальтирование территории хлебоприемного пункта, подготовлено к приемке зерна складских помещений на 25 тысяч тонн, построено десять площадок для хранения зерна с активной вентиляцией на 12—14 тыс. тонн. Бюро райкома КПСС обязало администрацию и в дальнейшем проводить необходимые работы по благоустройству хлебоприемного пункта.

«ВЕСЕННЯЯ КАПЕЛЬ КРУГЛЫЙ ГОД»,— констатировала заметка в № 19 «Крокодила», так как в две квартиры дома № 124 по улице М. Горького в Николаевске-на-Амуре постоянно попадала вода из отопительной системы.

Директор судостроительного завода тов. С. Кажарский сообщил: заметку обсудил заводской партком. За то, что вовремя не была ликвидирована течь в жилом доме, начальнику ЖКО В. Грицыне объявлен выговор, заместителю директора завода А. Туркову указано.

НЕ ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

О телефоне речь. И даже о целой автоматической телефонной станции. Она находится в дагестанском совхозе «Мискинджинский». Она там только в принципе находится, но зато вот уж девятый год. Начали ее строить, разные конкретные сроки назначали и регулярно же в эти сроки не укладывались.

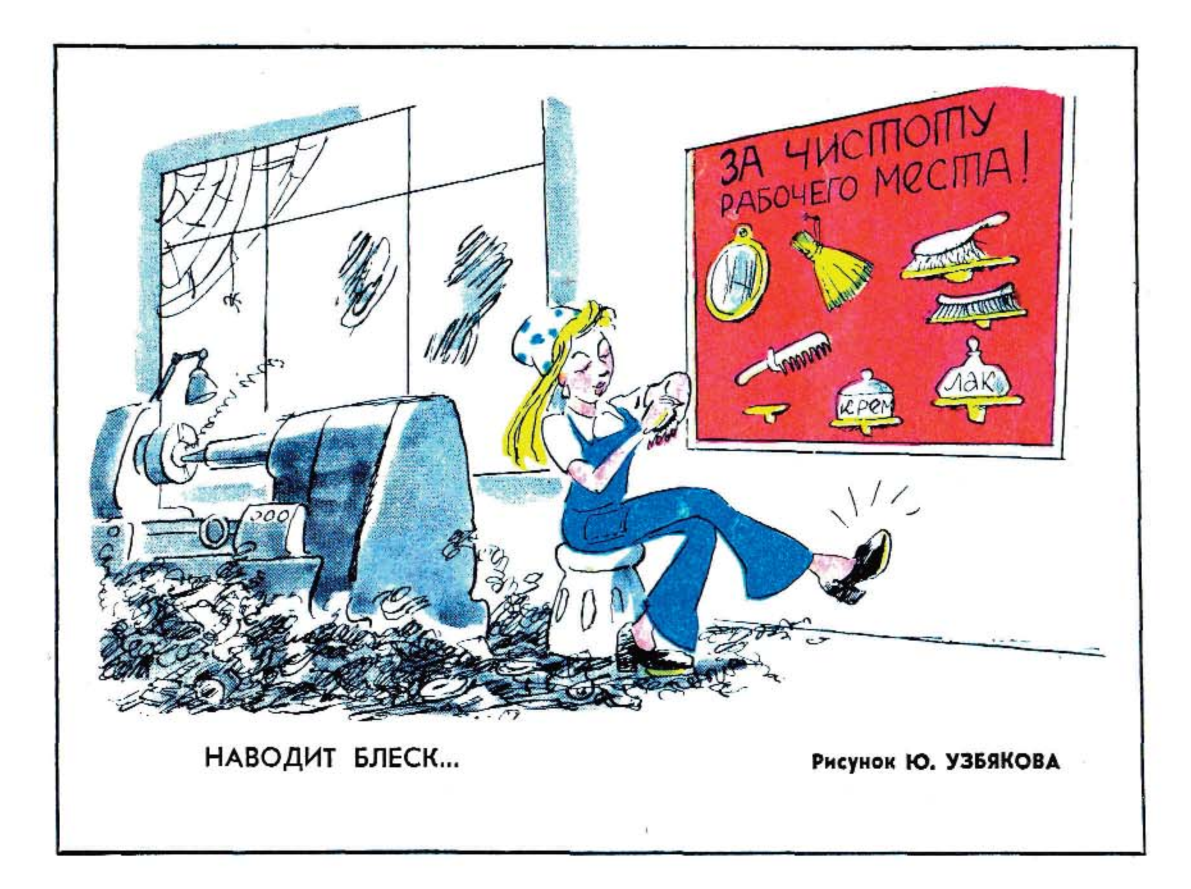
Был всякий шум из-за этого: устный, письменный, печатный... «Крокодил» тоже вмешивался: в № 13 за прошлый год и в этом, в № 19.

На шум отзывался сам заместитель председателя Совета Министров Дагестанской АССР тов. М. Абуев: дескать, вопрос этот находится под постоянно бдительным контролем Совета Министров, постоянно назначаются новые сроки пуска АТС.

Вот и сейчас он прислал нам письмо, в котором пишет: «Разработаны мероприятия с конкретным указанием сроков окончания строительства и пуска АТС...».

Жаль только, что товарищ Абуев не назвал конкретно этих конкретных сроков. Зато он обнадежил нас словами: «О завершении работ сообщим дополнительно».

Что ж, подождем...

НАВОДИТ БЛЕСК...

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— Больше его в цирк не поведем!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ,
специальные корреспонденты Крокодила

ТРОПОЮ ПОМИДОРА

Удивительное путешествие из Молдавии в Москву двух въедливых субъектов, решивших узнать, почему в некоторых магазинах иногда торгуют не очень хорошими овощами и фруктами.

От сезона к сезону очереди становятся короче. И, возможно, не за горами тот лучезарный день, когда трудящиеся, жарко дыша друг другу в затылок, будут становиться чередой только по случаю каких-нибудь особых эстетических лакомств вроде мемориального концерта Магомаева или повторного визита Тутанхамона.

Позабудется уникальная атмосфера этой формы человеческого общения со своими: «Кто крайний?» (в очереди есть своя этика: назвать человека «последним» оскорбительно), «Вы будете стоять? Я отойду на минуточку!» (здесь никогда не уходят, здесь только «отходят»), «Держитесь за той дамой в зеленом!» (тут всегда «держатся», а женщин по-салонному величают дамами). Позабудется, верно, и сакраментальная фраза, обращенная к работнику прилавка:

— Мне получше выберите! Мне в больницу нести!

Расчет тут делается на то, что даже у совсем бессовестной продавщицы не поднимется рука отвесить худой товар для человека, который в данный момент, может быть, тихо угасает на казенной койке. И неуместны тут нелепые сомнения: а не повредят ли хворому придирчиво отобранные для него полтора кило маринованных сморчков? В конце концов, может быть, это его последняя воля. Мало ли бывает странностей? Тем более, уже наступила очередь следующего покупателя, который, протягивая мешочек под квашеную капусту, довольно нагло заявляет:

— Мне получше, со дна, чтобы с соком. Для больного человека!..

Послушаешь лукавых покупателей, и тебе начинает казаться, что медики не могут совладать ни с какими недугами. Но ведь это не так. Разумеется, кто-то на днях распрощался с аппендиксом, кто-то лелеет родимый флюс, кого-то в земном поклоне согнул на время чертов радикулит. Дело житейское. И побаловать таких гроздью винограда или развлечь нежным персиком — святое дело. Однако ж абсолютное большинство наших сограждан — люди, как ни крути, здоровые. И как бы ни был ограничен кругозор отдельного продавца реализацией репы, продавец это понимает. И потому лживые восклицания о хворых родичах не бередят его душу.

Но позвольте: ведь и здоровые имеют право на молодой, розовый картофельный клубень, а не на сморщенный, обросший седобородой плесенью. Каждый человек хочет с хрустом кусать ароматную антоновку без опаски заглотнуть червяка, притаившегося словно диверсант, в яблочном чреве. Хочется, чтобы и транспортированный домой абрикос прельстительно истекал сладким соком, а не катался по столу с костяным стуком бильярдного шара.

«Хочется, перехочется, перетерпится!» — говаривал один известный литературный герой. Нет, не перехочется! И не перетерпится!

— Я что? Сама их, что ли, ращу?!.— взвизгивает продавщица, брезгливо пихая в пакет гнилые помидоры.—Кто такие присылает, с того и спрашивайте!..

«Что ж, спросим!» — думаем мы, заранее набрасывая в воображении неприятную картинку. Якобы где-то в душистых садах, на солнечных баштанах и плантациях окопались эдакие мироеды и захребетники. Отложив в сторону начиненную солью берданку, они лениво кусают сочные груши, которые, нам, городским, приходится видеть только на Выставке достижений. Или, хряснув о колено арбуз, мироеды ложкой выедают багровую сахарную сердцевину, которую мы детям даем на десерт за пятерку по арифметике. Ну, а всякую кислятину и падалицу мироеды заколачивают в ящики и шлют к нам в магазины.

Сознаемся тут же: ничуть не совпала эта картинка с действительностью. Но зато нам удалось пройти нелегкой тропой помидора, проследить тернистый путь яблока к прилавку овощного магазина.

Он родился на молдавской плантации и до срока висел свежий, целый, не задетый болезнями и вредителями, чистый, неперезрелый, неуродливый, без механических повреждений и солнечных ожогов. Размер его по наибольшему поперечному диаметру составлял не менее четырех сантиметров, поскольку он не принадлежал ни к сливовидному сорту, ни к Невскому, ни к Карлику. С величайшим бережением он был снят с куста без плодоножки и упакован в ящик, где содержание плодов с опробковелыми образованиями не превышало по отношению к весу пятнадцати процентов. Словом, это был нормальный помидор «для потребления в свежем виде», соответствующий ГОСТу 1725—68.

Несведущий человек, возможно, назвал бы его зеленым. Но на самом деле он был, что называется, молочно-восковой спелости. И за время своего неутомительного путешествия по железной дороге до прилавка магазина он обязан был покраснеть в результате естественного процесса, происходящего в его нутре за трое-четверо суток.

Но дерзновенной мечте заготовителя, уповавшего на подобный оборот дела, исполниться было не суждено. Напрасно бедный заготовитель, приложив ладошку козырьком ко лбу, до слезной рези всматривается в горизонт. Обещанный под нежный овощ товарняк то ли в результате халатности стрелочника укатил не по тем рельсам, то ли вообще еще не был сформирован. И заготовитель ждет, поддерживая в складах нулевую температуру, чтобы предотвратить бурное стремление помидора к полной зрелости.

Наконец, как-то в кромешной ночи, грозово погромыхивая, к складам подкатывает товарняк. Больно ударяясь спросонья о помидорные ящики, заготовитель кидается к единственному в составе спальному вагону. Заготовитель униженно скребется в запертую железную дверь, но вагон неприступен, как бронепоезд. Только на туманной зорьке в недрах вагона слышится шевеление какой-то жизни. Смятое сном лицо выглядывает наружу.

— Что даешь?

Смятое лицо не министр, не посланник, не господь-бог. Оно всего лишь начальник поезда. Но для неверующего заготовителя оно выше и могущественнее бога. Такому даже неловко отвечать прозаическое:

— Помидоры.

Лицу помидоры не нравятся. Кто знает, на что лицо рассчитывало: на грейпфрут или плоды авокадо? Но такие не произрастают в Слободзейском районе Молдавии.

— А куда везти? — спрашивает лицо.

— Везти в...— Заготовитель мучительно напрягается, стараясь определить, совпадет ли пункт назначения с желанием лица. «Господи, только бы у него в Кемерове родственники оказались!»

— В...? — поторапливает лицо.

— В...Кемерово!

Нет, не попал. Нету у лица в Кемерове ни родственников, ни знакомых. Незачем ему туда мотаться.

— Нашей бригаде сменяться пора,— безмерно скучая, говорит лицо.— У нас в Куйбышеве смена. Куйбышев пойдет?

— Не пойдет! — Заготовитель доведен до крайности и сейчас может начать кусаться.

Отбив первый приступ, лицо скрывается. И начинается долговременная осада. Заготовитель на свой страх и риск раскупоривает грязные вагоны, окатывает их кипятком из пожарного шланга, выветривает застоявшийся запах селедки и, наконец, загружает помидоры. Работа спорится. Здесь ведь уже притерпелись к тому, что сроки погрузки, скажем, нежного винограда и чугунных болванок — одни и те же. Наконец, все. Осталось только запломбировать вагоны, расцеловаться на прощание — и в путь. В этот момент бездействовавшее до сих пор лицо вывешивает красный фонарь — стоп-сигнал.

— Плохие помидоры! — мстительно говорит лицо.— К перевозке не годятся! Вагоны не закрою!

Бог его знает, какие плодоовощные университеты заканчивало лицо, чтобы этак хлестать наотмашь своими оценками. Но управы на лицо нет. Да нет и времени для дискуссий. Помидорные щеки уже начинают полыхать огнем сквозь щели тары. И вот, костеря про себя все и вся, заготовитель взваливает на загривок ящики, источающие аромат садов, и идет на поклон к лицу. Он тяжело шмякает у ног лица свою поклажу, точно удельный князь, принесший дань татарскому хану.

— Что тут? — Лицо трогает ароматные ящики туфлей.

— Ренет Ландсберга, Папировка, Мекинтош...— глухо перечисляет заготовитель.— Жабуле...

— Жабуле — это кто?

— Черешня такая.

— Ничего? А то прошлый раз дали Наполеона розового — в рот нельзя взять, скулы сводит. Ну ладно, отправляемся. Будь здоров!

Стандартный помидор отправляется в Кемерово. Но теперь, когда он созрел в самом начале пути, кто поручится, что до покупателя он дойдет в достойном виде?

Однако оставим на время в покое помидоры и оборотимся к другому богатству Советской Молдавии — фруктам.

Когда новичка мчат на машине вдоль межколхозного сада под городом Тирасполем, в его душу закрадывается легкое сомнение: а не дурачат ли радушные молдаване доверчивого гостя? Спидометр наматывает километр за километром, а конца-края не видать. Возможно, гостя, не знающего окрестностей, возят по замкнутому кругу, стимулируя его воображение? Ничуть не бывало. Просто садик тот — шесть тысяч гектаров. Вообще приезжему сразу надо привыкать в Молдавии оперировать астрономическими цифрами, если дело касается «фрукты». «Фруктой» тут зовется разом все, что произрастает на плодовых кустах и деревьях. Так вот среди этой «фрукты» только яблок более пятисот сортов!

Если бы не боязнь порвать тонкую пряжу повествования, непременно следовало бы для вящего эффекта подсчитать, дотянется ли до Урала овощефруктовый эшелон, если его составить из 1 400 вагонов, отправляемых за сутки в разгар сезона объединением «Молдплодоовощпром». Заманчиво было бы сравнить с горой Юнгфрау тысячетонную гору стружки, идущей за сезон на упаковку «фрукты» в местной Слободзейской конторе. А тридцатью тысячами тонн упаковочной бумаги, если ее расстелить без морщин и бугорков, вероятно, можно накрыть государство Лихтенштейн.

Но эти маленькие радости статистических выкладок оставим на потом. А в сей момент, когда иссякли нудные дожди, задержавшие чуть ли не на месяц созревание «фрукты», когда успешно отражен пиратский налет американской белой бабочки, наступило время пожинать плоды. Пожинать и упаковывать.

Пакуют «фрукту» тут же в хозяйстве, где и растят. И чтоб не было нечаянного искушения подложить на дно ящика какой-либо дефективный плод, тут имеется человек, который глазам не верит. Он ходит от ящиков с яблоком Мельба к ящикам с грушей Любимица Клапа, позванивая связкой металлических колец. Время от времени человек изымает из упаковки подозрительную «любимицу» и, просовывая ее через кольцо из своего набора, говорит с едкостью:

— Это стандарт? Гляди, какой диаметр!..

Все это отдаленно напоминает салон для новобрачных, где с помощью подобной связки подбирают обручальные кольца по размеру. Здесь Мельбу и Любимицу Клапа венчают со стандартом.

И все же главным мерилом качества пока что была и будет не квалификация, а совесть упаковщика. Потому что в Слободзейской конторе из ста ящиков на контроль возьмут лишь три. И получатель проверит лишь три из сотни. И если с этими тремя повезет, то остальные девяносто семь могут содержать откровенную заваль. А если не повезет, то девяносто семь ящиков, может быть, первостатейной «фрукты» будут беспощадно забракованы.

Впрочем, долой мрачные мысли! Уже гигантская фура грузовой «Шкоды» забита доверху девятью с половиной тоннами Мельбы и Любимицы Клапа. Уже упрятал в карман накладные, акты на завес тары и карантинные сертификаты шофер Коля с фамилией, будто созданной для фельетонного письма,— Журибеда. Уже... уже едем! Срок транспортировки в Москву — 64 часа.

В тот петушиный, сладкодремотный час, когда помянутая «Шкода» с надсадным воем выруливает из улочек Тирасполя, в разные концы страны стартуют, как и ежедневно, еще 499 молдавских рефрижераторов с помидорами и сладким перцем, с виноградом и горохом-лопаткой, с косточковыми и семечковыми, со всем тем, что называют здесь общим словом — «свежье».

Однако тщеславные думы о собственной причастности к грандиозному фруктово-овощному рейсу постепенно вышибаются из головы невероятной дорожной тряской. Приходится несколько снизить полет мысли и последить, как бы на очередной выбоине не выбило зубы. Комфорта, разумеется, никто не ждал, но швыряет довольно безжалостно. Наблюдения из бокового окошка кабины, прежде прельщавшие воображение, дают явно искаженную картину родных просторов. Пейзаж в окошке дергается так, словно порвалась перфорация в кино или скачут кадры неисправного телевизора. Качаясь и кривясь, промелькнул Киев, потом еще какой-то населенный пункт, неузнаваемый и неразличимый в тряске. В потрясенном мозгу всплывает вдруг отечески заботливая фраза:

— Помидор должен ехать, как ребенок в коляске!

Кто это сказал? Ах, да! Директор Слободзейской плодоовощной конторы Яков Фомич Бродский, большой знаток своего дела и энтузиаст. Хорошо, что мы везем не помидоры. Они бы у нас допрыгались!

Впрочем, вспоминаем мы, помидоры допрыгаются без нас и без нашей тряской фуры. Ведь помидорная каша — одно из любимых блюд на стальных магистралях страны. Железнодорожники ее прекрасно готовят, обходясь без вагона-ресторана: прямо в товарных. Рецепт прост, как все гениальное. Вагон с помидорами несколько раз спускается с железнодорожной «горки». Могучий удар при столкновении вагонов идеально перетряхивает все ящики. И когда, допустим, в Новосибирске, на пути к которому пять-шесть таких «горок», открывают долгожданный вагон, помидорная каша готова и сама свободно вытекает наружу. Ее уже нельзя ни пустить на сок, ни перекурить на водку. Правда, железнодорожники с похвальной скромностью отказываются от патента на это едово и охотно уступают приоритет заготовителям. На что заготовители однажды ответили жестом крайнего отчаяния. Для наглядности они загрузили вагон крепкими помидорами и разогнали его так, как он обычно катится с «горки». Железнодорожники с ребяческим интересом наблюдали, что из этого будет. Экспериментальный вагон наконец стукнулся, его вскрыли. Мерзкую помидорную кашу показали железнодорожникам. Те брезгливо подивились, поскребли затылки под форменными фуражками и ушли подальше от греха, ничуть не усомнившиеся в своей непричастности.

Нашу «Шкоду» продолжает трясти на выбоинах. Чудится, что сзади постоянно слышны тяжкие вздохи расползающейся тары. Наверное, Любимице Клапа тоже сейчас несладко.

Где-то за Черниговом — передышка, и шофер со страдальческой усмешкой отчиняет дверцу фуры. Тут же на землю веселым дождем сыплются яблоки, точно десантники, истомившиеся в брюхе транспортного самолета. Пяток-другой ящиков из хвоста будто смяты прессом. Мы ногами пихаем раздавленные яблоки в кювет: везти их бессмысленно, а одолеть несколько десятков килограммов «фрукты» просто невозможно, даже несмотря на то, что завтрак хорошо утрясся в пути. Мы пихаем ногами яблоки в кювет и ужасаемся убытку. А ужасаться, оказывается, лишнее. Оказывается, ящики будут биться еще не раз. Оказывается, при доставке далее тысячи километров восемь процентов «фрукты» могут спокойно и официально превращаться в абсолютный отход.

Но вот с яблоками, наконец, покончено, и наш рейс продолжается. Впереди еще сутки пути.

(Окончание следует).

Мих. РАСКАТОВ

Она и он

Она пришла, за штопку села,
Поближе к кухонной плите.
А он, усталый до предела,
Лежал на розовой тахте...

Она помыла стеклотару
И понесла ее сдавать,
А он устало взял гитару
И песню начал напевать...

Она пришла, взялась за стирку
И параллельно — щи варить,
А он устало спичкой чиркал,
Чтоб утомленно закурить...

Она опять схватила штопку,
Полна энергии и сил,
А он устало выпил стопку
И утомленно закусил...

За горизонт ушло светило,
О розе соловей запел...
Она на цыпочках ходила,
А он, измученный, храпел...

Б. РОЩИН

На уборке

Водитель мчит, не глядя
На след свой из окна,
Хоть оставляет сзади
Дорожку из зерна.
Он ЗИЛ ведет, как будто
Все ладно за спиной.
Герой наш, видно, спутал
Уборку с посевной.

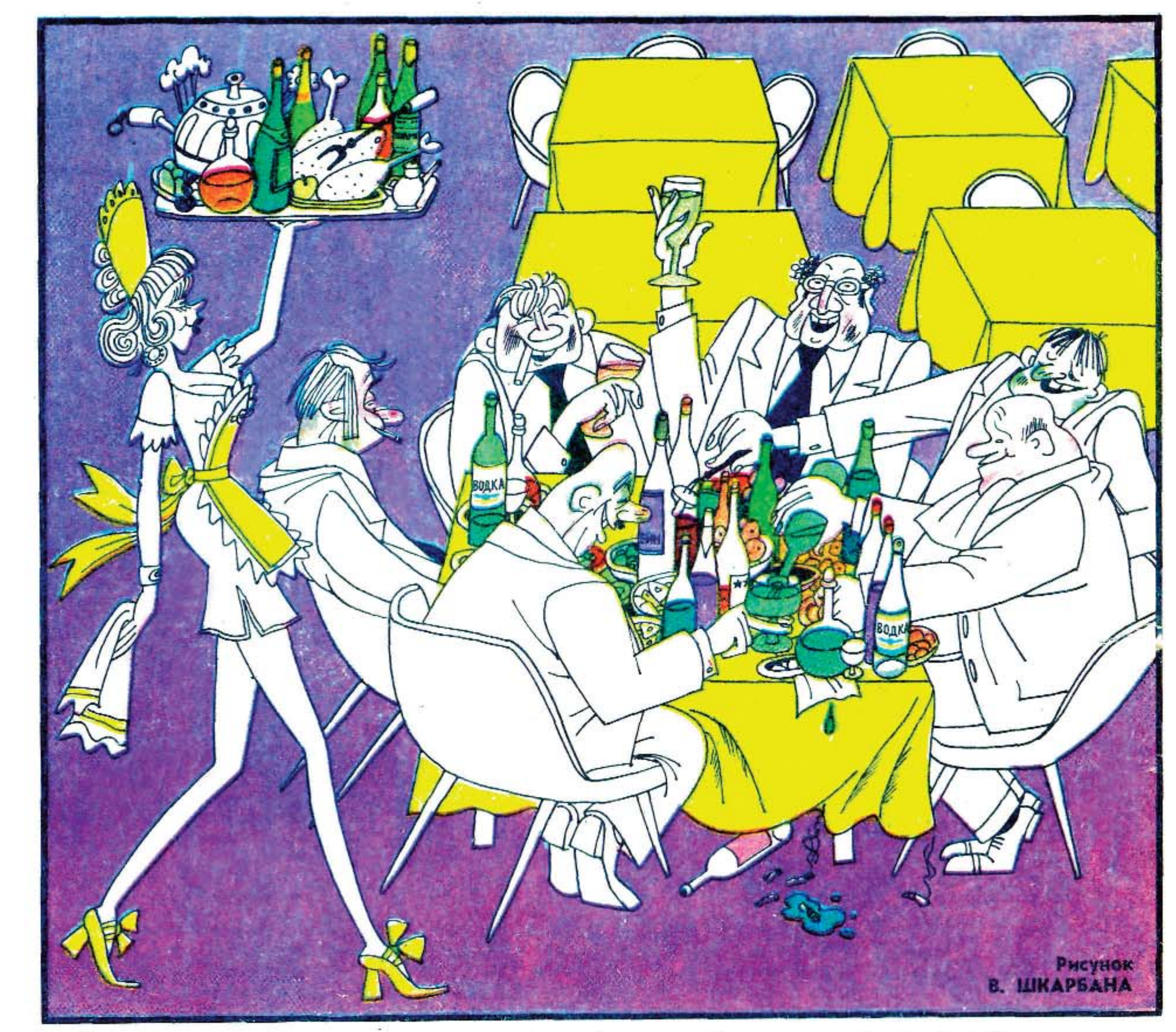

Рисунок В. ШКАРБАНА

— Какое же дадим название нашему кафе: «Диета», «Здоровье», «Трезвость»?..

Святослав СПАССКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ

АВТОР. Сегодня я хочу рассказать о прославленном дважды орденоносном владивостокском Дальзаводе имени 50-летия СССР, о жизни его многотысячного коллектива. За последние годы...

ЧИТАТЕЛЬ (перебивает). Как-то уж вы широко размахнулись. Такая махина...

А. А, пожалуй, вы правы. Ладно, давайте так: сегодня я расскажу об одной любопытной личности, механике 19-го цеха Николае Абрамовиче Филе.

Ч. Вот, другой коленкор. Он что, хороший работник?

А. Он хороший работник. Он великолепно знает машины и механизмы. Да и как не знать? Поди-ка организуй капитальный ремонт океанского лайнера без современной техники. Корабли — это вам не люди...

Ч. Ну, ясно. Разве сравнишь?

А. Вы не перебивайте. Для воздействия на человека механизмы применять несподручно — тут имеются методы более понятные и нехитрые.

Ч. (хочет спросить, но, предупрежденный, спохватывается).

А. Вас интересуют эти методы? Скажем, зуботычина. Или размахивание стулом. Или пинок в известное место ниже спины. Все это с соответствующим словесным гарниром. Я приведу самые мягкие выражения (ищет в блокноте). Вот: «Разгильдяй! Лодырь! Выгоню! Сгною!»

Ч. За что же?..

А. А вот за что: машинисту Петру Тремаскину Филь приказал выкрасить механизмы нитроэмалевой краской. Такое при отсутствии вентиляции в закрытых помещениях запрещено, о чем и сказал машинист. За что и схлопотал плюху.

Ч. Некрасиво. Но знаете, если дотошничать да всюду соблюдать инструкции, ей-богу же, не жизнь будет, а частокол из параграфов. Для пользы дела иногда и нарушить можно.

А. Как сказать... Машинист Моржевский, не захотевший получать плюху, от вредных испарений потерял на работе сознание...

Ч. И что же Филь?

А. Филь берет вахтенный журнал по технике безопасности, находит чистую страницу и вписывает туда задним числом текст о якобы проведенном инструктаже с машинистом.

Ч. Да... Но после этого случая герой ваш, наверное, утих?

А. Не больно-то... Вскоре электрик Терехин ощутил тот самый пинок, о котором вы уже слышали.

Ч. Не понимаю. Это завод или тайга? Люди-то есть вокруг?

А. Почему же? Его, Филя-то, наказали. Перевели на три месяца на нижеоплачиваемую работу.

Ч. А он?

А. А он не перевелся. Через два дня после приказа раздавались окрики, ну, помните, я цитировал: «Тремаскина уволю! Моржевского сгною!»

Ч. Да как же так?

А. Как-то уж так. Заболел, принес медицинскую справку, рекомендующую его не перенапрягать, а оставить работать по тому же профилю. Забавная справка. А потом в отпуск ушел.

Ч. Так вот безнаказанно? Но позвольте все-таки, где же...

А. Вы насчет руководства цеха, партийной и профсоюзной организаций? Воспитывали. Беседовали. Уговаривали. Годами! А только чихать он хотел. Его вызывают на партбюро, а он на вызовы элементарно не является.

Ч. А по мне, чего уговаривать? Уволить такого!

А. Закон не даст. Отсутствие систематических взысканий.

Ч. Почему? Хулиганил-то он систематически?

А. (молчит).

Ч. Ну, что молчите?

А. Я, что ли, взыскания даю? Тут вот еще какая загвоздка: считают, что Филь подвержен «мании гневливости».

Ч. А, например, в этой мании он не пытался побить директора завода? Или секретаря парткома?

А. Почему-то нет. Все рабочим доставалось.

Ч. И тем более, разве с такой «манией» можно руководить людьми?

А. Вот его и уговаривали перейти на другую работу. Вышел еще один приказ: ввести в штат отдела главного механика новую единицу — инженера-технолога второй категории. Специально для Ф.

Ч. Вот и ладненько, нашли выход.

А. Погодите. Неделя прошла, а он не переходит. Успел довести до слез крановщицу, не допустил ее на работу...

Ч. Так, наоборот, его бы надо не допускать!

А. Конечно, но не милицию же звать. Хотя тут не милиция, правда, а народный контроль — да, занимался. Он ведь, Филь-то, не только хулиганил. А, к примеру, снял с электрокар колеса и променял на другие. А те пошли на автомашину. Арматуру выносил с завода. Да это все уже так, семечки.

Ч. Так где же сейчас Филь?

А. Все в ажуре. Уговорили. Занял новое место.

Ч. Ну и слава богу!

г. Владивосток.

Владимир ЛИФШИЦ

Вечная баллада

Перспективный прозаик
Мандрыкин Роман
Сочинить обязался
Проблемный роман,
А издать тот роман
Обязательство
На себя принимает
Издательство.

Вот написан роман
И в издательство сдан.
Вот одобрен в издательстве
Этот роман.
Вот редактор его редактирует.
Вот корректор его корректирует.
Вот обложка готова
И супер готов.
Отпечатаны все его сорок листов.
И ложится роман на прилавки,
Где купить его можно без давки...

Критик Н. от романа
Приходит в восторг,
Но встревожен
И явно смущен Книготорг,
Где роман этот, как полагается,
Продается... но не покупается.
Говорят, что роман этот —
Муть и туман,
И лежит штабелями
На складах роман,
И от этого книготорговая сеть
Начинает бездымно,
Но сильно гореть.
Поднимает отчаянный крик она:
— Я горю от романа Мандрыкина!..

Как товар залежалый,
Как явный брачок,
Как кондовый жакет
Или дрянь-пиджачок,
Трижды этот роман уценяется,
Продается... но не покупается!

И тогда, повздыхавши,
Решают: «Ну, что ж,
Снова книгу Мандрыкина
Пустим под нож!
Превратившись в бумажную массу,
Возвратит она что-нибудь в кассу...»

Путь романа
На этом кончается:
Он в бумагу
Опять превращается...
В это самое время
Мандрыкин Роман
Представляет издательству
Новый роман,
И издать тот роман
Обязательство
На себя принимает
Издательство... и т. д.

А. ХОДАНОВ

МЕСТЕЧКО НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

Рано или поздно, но в жизни каждого человека наступает такой критический момент, когда, забросив дела и семью, он со счастливым лицом садится за письменный стол и, яростно грызя пластмассовое перо, со скоростью Бальзака сочиняет пьесу.

В своем произведении новоявленный драматург изливает неудовлетворенную душу измученного суетой квартиросъемщика, заставляет главного героя, наделенного, безусловно, авторскими чертами, совершать поступки, которые сам он, автор, человек достаточно не уверенный в себе, никогда бы не совершил, жестоко расправляется с врагами и подлецами, которых он терпит на работе и дома.

Вот и у меня наступил такой критический момент, когда я решил: надо или окончательно прославляться, или, покончив с остатками юношеских романтических надежд, уйти в тень обыденности и мирно дожидаться пенсии.

Все дело, на мой взгляд, могла решить только пьеса.

Оставалось только ее написать.

Положив перед собой стопку чистой бумаги, я пришпорил воображение, придумывая драматические ситуации и героев, которые могли бы составить список действующих лиц.

Неплохо было бы, решил я, окунуться в темное и мрачное средневековье. Место действия, расположенное вдалеке от грохота наших будней, давало неисчерпаемые преимущества: игра не обузданных моральным кодексом страстей, шекспировские диалоги, обнаженные, несмотря на макси, характеры, роковой кровавый (в отличие от производственного) конфликт, фантастические персональные дела, о которых и не слыхивал современный профком, казнь не на трибуне профсоюзного собрания, а на специальном помосте, где докладчик одет в красный колпак.

Герои, решил я, должны обязательно драться на шпагах. Должны лихо, со свистом разрубать горящие свечи таким образом, чтоб они продолжали гореть, оставаясь в подсвечниках.

Пусть героями будут мушкетеры!

Я потер руки, и тотчас же придумались интересные и малоизвестные имена: Атос, Портос и Арамис. «Пусть они дружат,— сказал я самому себе,— и пусть живут в Париже. А к ним из Нормандии, нет, пусть лучше из Гаскони приезжает пылкий и по-хорошему глуповатый от избытка неизрасходованных любовных чувств некто молодой и мускулистый — по фамилии д'Артаньян».

Я накручивал сцены одна на другую, ввел в список элегантного и кроткого герцога Бэкингемского, отослал д'Артаньяна к нему за украденными бриллиантами королевы, которых хватился расчетливый ревнивец король; выдумал мерзкого старикашку на козьих ножках с подагрическими коленками, которому нашел меткое прозвище — кардинал Ришелье...

Словом, через несколько дней я уплатил машинистке круглую сумму, получил рукопись и, наскоро вычитав, отнес в ближайший театр. Правда, с названием пьесы у меня долго что-то не клеилось, но на подходе к театру меня осенило, и я написал на первой странице: «Три мушкетера».

Главный режиссер известного академического театра, человек, конечно, усталый, но с живым блеском в холодных глазах, полистал мою пьесу длинным, холеным пальцем и утомленно сказал:

— Опять эти бедные мушкетеры! Было.

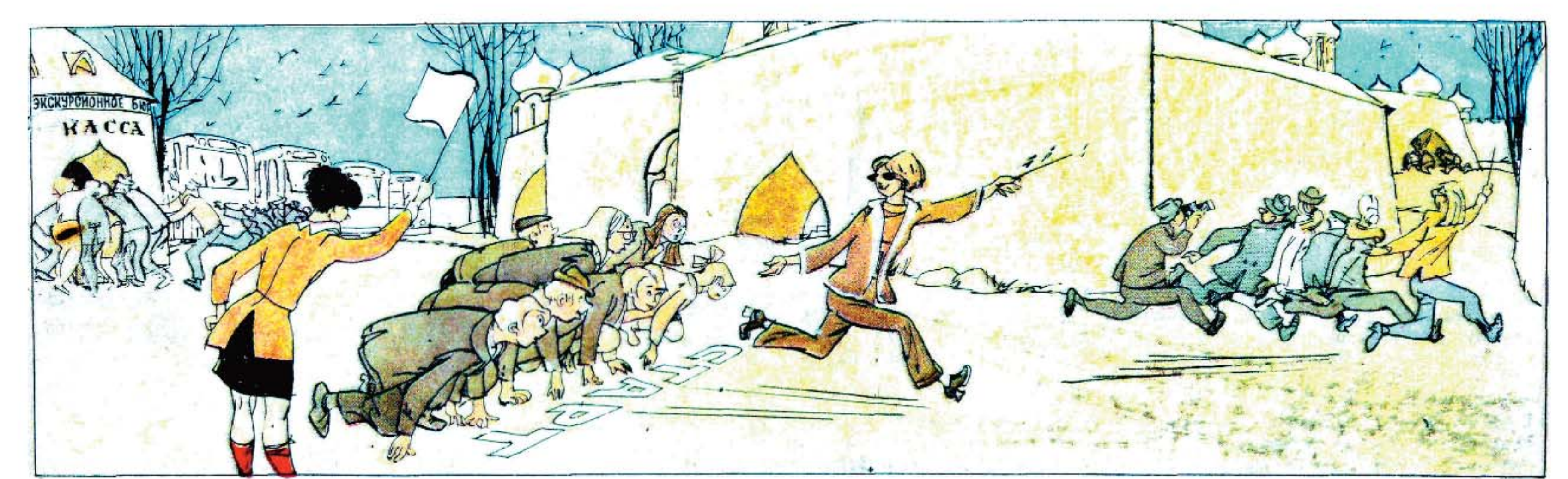
— Как то есть?! — не понял я.

— В театр надо ходить,— рассердился режиссер, возвращая мне рукопись.— Ироническая комедия для взрослых М. Рехельса. Поставлена в Ленинградском театре Ленинского комсомола.

— И д'Артаньян там есть? — убито спросил я.

— Там есть даже слуга его Планше,— снисходительно отвечал режиссер.— Но и это не все, дорогой мой. Сходите-ка в Московский театр юного зрителя на пьесу М. Розовского и Ю. Ряшенцева «Три мушкетера». Эх, батенька мой! Что ваш д'Артаньян? Он только задирается да колет всех своей шпагой, как на мясокомбинате! А их д'Артаньян вооружен кое-чем посильнее! Он выхватывает микрофон и под грохот современных ритмов спускается в зал, где, представьте себе, меж рядов, в проходе, поет песню, темпераментно содрогаясь!

— Ладно,— согласился я, со вздохом бросая ▶

— Внимание, товарищи экскурсанты, старт!

Рисунок Г. ИОРША

МЕСТЕЧКО НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

пьесу в портфель.— д'Артаньян с микрофоном — это для меня недосягаемо. Послушайте, а что, если я вам придумаю одну забавную историю. Ну, назову ее, скажем, «Приключения Тома Сойера»?

— Уже есть. Пьеса С. Диманта. Ленинградский театр музкомедии.

— Тогда есть еще мыслишка,— не унимался я.— Детектив из русской дореволюционной жизни. Заголовок я уже придумал: «Свадьба Кречинского». Власть денег, разрушающая человеческое, так сказать, счастье.

— Драматургу,— зевнул режиссер, которому я, очевидно, уже надоел,— коим вы хотите стать, следовало бы быть изобретательней. И такая пьеса есть. Мюзикл.

— А чего там танцевать и петь? — вытянулось у меня лицо.

— Танцуют и поют,— уклончиво отвечал режиссер.— Мюзикл А. Колкера по либретто К. Рыжова. В том же театре музкомедии, и еще премьера в Киеве. И «главное в спектакле», как остроумно заметили авторы, выступая двадцатого октября по «Доброму утру»,— это то, что «создан динамический вокально-танцевальный ансамбль».

— Ну, ладно. Тогда я что-нибудь для детей... Хотите героическую пьесу под броским названием «Мальчиш-Кибальчиш»?

— Ну что вы все повторяетесь? — раздраженно заворчал режиссер.— Есть уже героическая сказка в двух действиях В. Лебедевой и А. Кирилловского!

Но я не успокаивался. Сюжеты и имена будущих героев будущих пьес роились в моей голове, и я выстреливал ими в режиссера, который демонстративно поглядывал на часы.

— «Василий Теркин»!

— Пьеса П. Градова в Московской оперетте.

— «Братья Карамазовы»!

— Пьеса В. Розова «Брат Алеша», Московский драмтеатр.

— «Бременские музыканты»!

— Мюзикл в двух действиях В. Шульжика. Театр имени Ермоловой.

— Минуточку!.. — вдруг дошло до меня, и краска стыда разлилась по моей физиономии.— Да чего же это я вам тут предлагаю! Это же провокация моей насыщенной информацией памяти! Все же это было!

— А чего не было? — философски отвечал режиссер, отвернувшись от меня.

— Но при чем здесь В. Шульжик? Были же братья Гримм.

— Да, знаете, припоминаю... В далеком, так сказать, детстве...

— Но это же их сказка, а не В. Шульжика!

— Ну, это еще надо исследовать и доказать.— Режиссер встал и захлопал в ладоши, восстанавливая прерванную с моим приходом репетицию.

Я таким образом понял, что от меня избавились, но как пепел Клааса стучал в сердце незабвенного Уленшпигеля, так мысль о несравненной обиде давно ушедших от нас гениальных братьев не давала мне покоя! «Кого же действительно считать автором?» — думал я, направляясь в Институт мировой литературы имени А. М. Горького. Но, оказывается, меня опередили почти на три года. Оказывается, примерно с таким же вопросом сюда уже обращался председатель правовой комиссии Правления СП СССР тов. А. Орьев.

«Вернее всего считать,— отвечал ему тогда зав. сектором фольклора тов. В. Гацак,— что фабула «Бременских музыкантов» является фольклорной, но данный вариант текста принадлежит братьям Гримм. Поэтому правовой спор, на наш взгляд, должен решиться в зависимости от того, что используется — сюжет (бесспорно народный) или текст братьев Гримм, как таковой (включая дословное повторение диалогов в той же последовательности и т. д.).»

Ознакомившись с дискуссионным посланием относительно разгоревшегося «правового спора», я для верности заглянул в архивы бывшего ВУОАП, а ныне Всесоюзного агентства по охране авторских прав, и не без труда разыскал там еще одно письмо, адресованное на этот раз начальнику Управления театров Министерства культуры РСФСР тов. В. Афанасьеву.

Подписавшие документ зам. начальника ВУОАП тов. Ю. Рудаков и зам. начальника юридического отдела тов. М. Воронкова упрекали начальника управления в том, что репертуарно-редакционная коллегия Управления театров постановлением от 7 января 1971 года отказала В. Шульжику в признании оригинальной пьесы «Бременские музыканты», и отказ-де был основан на том, что пьеса написана по мотивам сказки братьев Гримм. Теперь же, «как видно из ответа зав. сектором фольклора Института мировой литературы имени А. М. Горького на запрос председателя правовой комиссии Союза писателей СССР, сюжет сказки «Бременские музыканты» не принадлежит братьям Гримм, а является результатом народного творчества. Братья Гримм лишь записали народную сказку». (Ах, как просто и легко все им давалось, этим братьям-везунам!)

«Поэтому,— делается тут же вывод,— если В. В. Шульжик в своей пьесе не использовал непосредственно текст сказки братьев Гримм, то пьеса «Бременские музыканты» должна считаться оригинальной как пьеса, написанная по мотивам народной сказки».

«По нашему мнению,— заключали авторы этого серьезнейшего письма,— основанному на сопоставлении пьесы со сказкой братьев Гримм, в данном случае можно говорить лишь об использовании сюжета, а не текста. Судя по рецензиям, полученным автором пьесы в Министерстве культуры, рецензенты (в частности тов. Гроховская) также не считают пьесу В. В. Шульжика инсценировкой...»

Я оторвался от письма и тяжко задумался. Мне представилось суровое, ожесточенное в неравном «правовом споре» лицо автора-подвижника, создавшего незабываемый шедевр, только почему-то под чужим названием и по чужому сюжету. Представились также седые чопорные, свободно говорящие по латыни дамы-рецензенты, с самым серьезным видом слагающие заумные, понятные только высокоинтеллектуальному читателю заключения в защиту новоявленного создателя сказки, создателя, бросившего все свои силы и влияние, дабы выиграть денежное дело... Преисполненный самых благоговейных чувств к участникам этого актуальнейшего в нашу трудовую эпоху и принципиальнейшего спора, я все же прочел письмо до конца:

«Посылаем Вам копию упомянутого выше письма зав. сектором фольклора ИМЛИ и просим еще раз обсудить вопрос о пьесе В. В. Шульжика с учетом сведений, содержащихся в этом письме. О результатах обсуждения просим сообщить нам».

Я внутренне рукоплескал сноровке автора, его пробиваемости, его непоколебимости, личной инициативе, везению и прекрасной спортивной форме. «Это ж надо обратиться во все инстанции с этакой просьбой и сломать, как бульдозер, все рогатки на пути!..» — восторженно думал я. И восторгался не понапрасну, так как начальник управления театров поднял руки вверх и, отмежевавшись от прежнего мнения, ответил, что в связи с представленными новыми документами и отзывами управление театров вновь рассмотрело пьесу В. Шульжика и пришло к заключению, что пьеса является оригинальным драматическим произведением.

Хотел было я проследить пути других современных драматургов, приобщившихся к знаменитым произведениям почивших в бозе А. Дюма, М. Твена, А. В. Сухово-Кобылина, А. Гайдара, А. Твардовского, Ф. Достоевского, но, честно сказать, испугался лабиринтов, из которых состоит этот самый путь.

Я вспомнил, что существует «Кола Брюньон» О. Герасимова и В. Богомолова (когда-то это был один Ромен Роллан); «РВС» — героическая повесть Ф. Комова (когда-то это была просто повесть А. Гайдара); «Прощай, оружие!» — здесь уже фигурируют А. Гинзбург и О. Чубайс (а когда-то был только Э. Хемингуэй); «Товарищ, верь...» Л. Целиковской и Ю. Любимова (в далеком прошлом это были просто письма Пушкина, к Пушкину, о Пушкине); «Волшебные истории Оле-Лукойе» — тут славу с гениальным Г. Х. Андерсеном делят Н. Аловерт и Л. Лемке; «Западня» М. Левиной и Е. Федорова (когда-то это был опять же один Э. Золя); «Королевские цветы» Н. Светозаровой и А. Щербаковой, разделивших пьедестал со знаменитым Дж. Родари; «Тиль» Гр. Горина (так четко, по-современному и, главное, без протестов со стороны автора была сокращена «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях» знаменитого бельгийца Шарля де Костера)...

И мне стало как-то не то чтобы грустно, но довольно уныло, как и вам, дорогой читатель, вздремнувшим над этим, увы, далеко не полным списком.

Я понял, что шаги некоторых современных драматургов по их пути к авторству не проследит даже кибернетическая машина. Просто у нее не хватит перфокарт.

Здесь я должен отвлечься и сказать, что вполне отдаю себе отчет в том, что этим самым фельетоном вызываю на себя заградительный огонь из тяжелой артиллерии управления авторских прав, подкрепленной пулеметами всезнающих литконсультантов, дюжинами литэкспертов и дымовой завесой юридической переписки.

Я считаю долгом уточнить свою позицию: я прекрасно знаю, что надо нести на подмостки лучи ния литературы. И когда не смогли или не догадались инсценировать свое детище, совсем не грех помочь им в этом.

Но, ставя свое имя ПЕРЕД или РЯДОМ, а то и ВМЕСТО имени человека, барельеф с изображением которого украшает публичные библиотеки и очаги просвещения, человека, возвышающегося в бронзовом одеянии на площадях городов, человека, перевоплотившегося в толстые фолианты и собрания сочинений, человека, вошедшего во все большие и малые энциклопедии,— НАДО ТРЕЗВО ОЦЕНИТЬ И СВОЕ ЗНАЧЕНИЕ В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

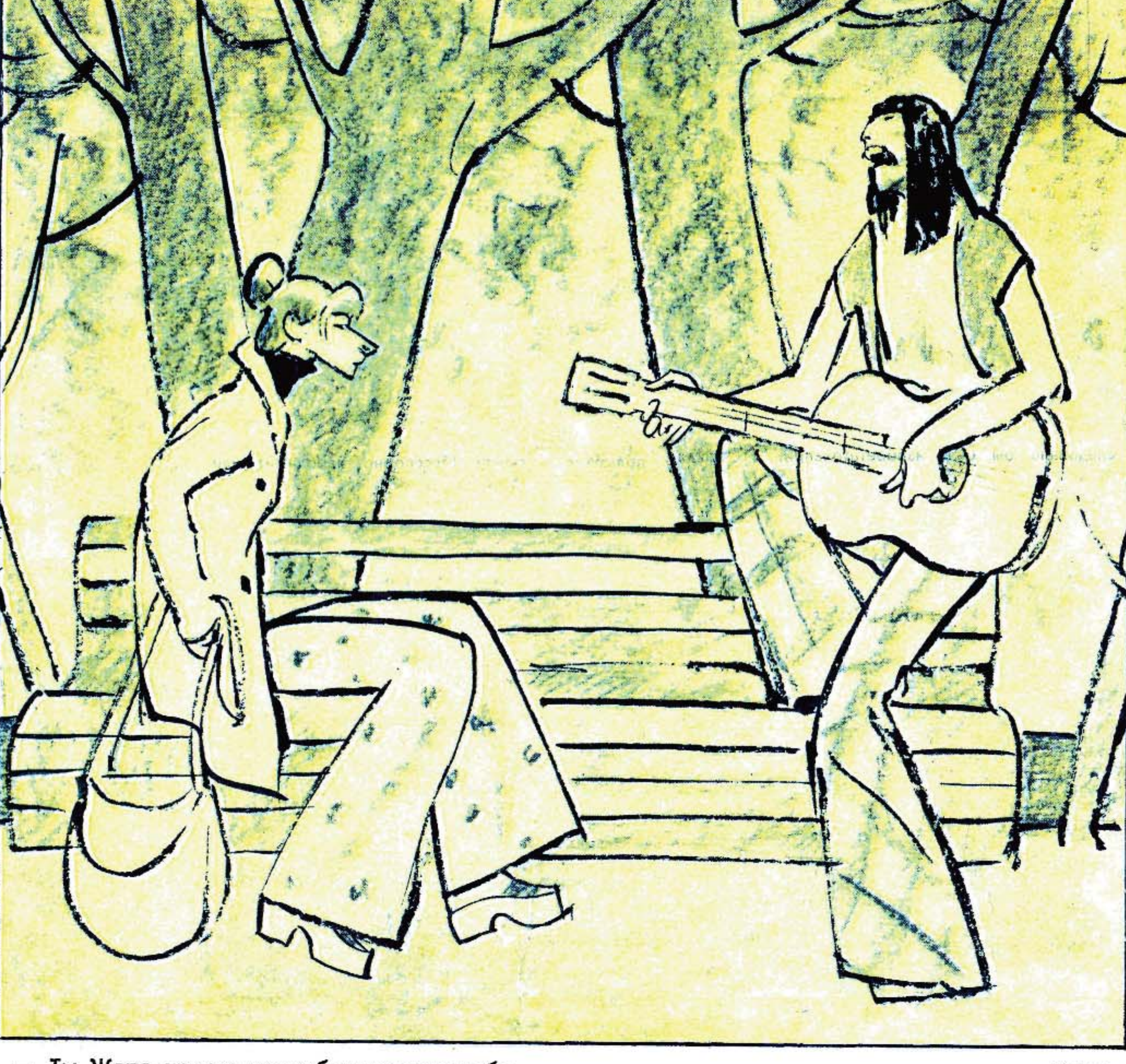
Зачем карабкаться на пьедестал, когда место там занято всерьез и надолго. Зачем пускаться в унизительные юридические тяжбы под интеллигентным названием «правовой спор». Зачем имя истинного автора, широко известного всему просвещенному человечеству, набирать буковками толщиной с комариное жало и заверстывать в скучно-официальную обязательную справку о том к какому жанру пьеса принадлежит, в скольких она частях и что идет она под музыку такого-то современного композитора, как случилось это в программке Московского театра имени Ленинского комсомола, касающейся упомянутого выше «Тиля». А свое скромное имя выносить только вперед и непременно крупным шрифтом.

Нет, прежде чем резво опережать классика в титрах или со снисходительной фамильярностью расположить свою фамилию рядом прежде чем затеять тяжбу на предмет присвоения знаменитого литературного произведения, очень полезно задать себе вопрос:

А ИМЕЮ ЛИ Я НА ЭТО ПРАВО?

Не авторское.

МОРАЛЬНОЕ.

— Ты, Жора, просто волшебник: стоило тебе запеть, и в парке — ни души!

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Мих. ВЛАДИМОВ

ПОЭТ НА ПРИРОДЕ

Да здравствуют прогулки по природе.
Проселочная лунная дорога.
Седые и сухие от мороза
Розы черные коровьего навоза!

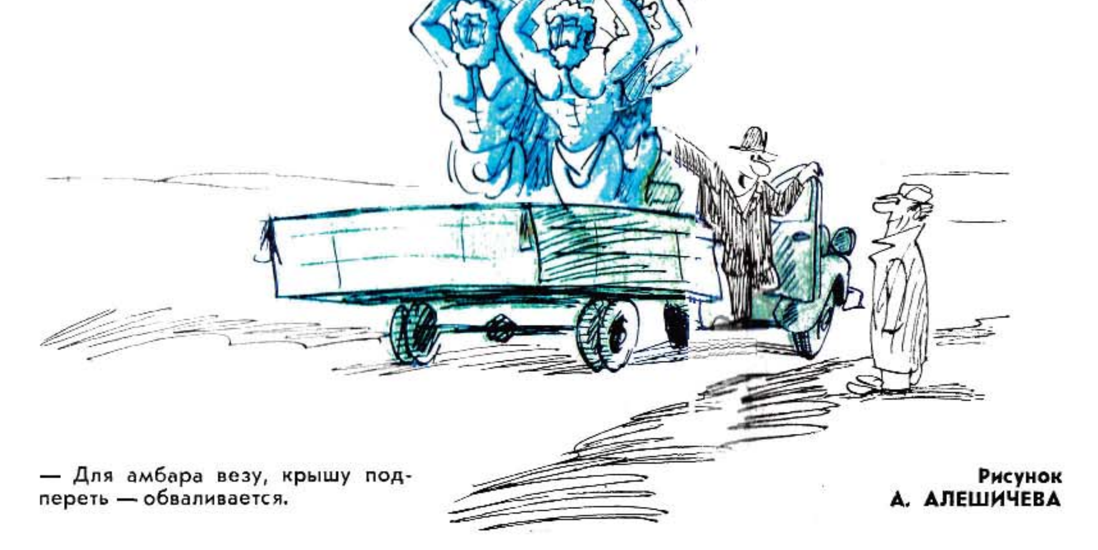
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ.

Да здравствуют поэты на природе!
Да здравствует общение с подспудным!..
Буренку раз догнал я на дороге,
Трясясь телегой хилой и попутной.

Бока качались грушей треугольной.
Подрагивало вымя, как в тамтаме.
Взмахнув поп-артным хвостиком довольно,
Буренка путь устлала свой цветами...

Смотрю: корова сложена потрясно
И аппетитна, словно антилопа.
Мир огласив му-музыкой прекрасной,
Она шла антисено антилопать!

Пусть критика, меня опять пиная,
Поморщится при чтеньи данной прозы,-
А я шепчу, прогулку вспоминая:
«Как хороши, как свежи были розы!»

— Для амбара везу, крышу подпереть — обваливается.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Замечательный сосед

Чего греха таить, о таком музыкально одаренном соседе, который, как поется в популярной песенке, «в нашем доме поселился», мечтают, наверное, многие. Посторонний человек, а вот так, бескорыстно людям радость приносит. Ему же цены нет.

Привалило счастье и к гражданам, проживающим по Детскому проезду в городе Ивантеевке, Московской области. Поселился среди них вышеуказанный замечательный сосед. Причем в отличие от песенного он владеет не только кларнетом и трубой, а и другими музыкальными инструментами и шпарит почем зря. Во всю ивантеевскую.

С наступлением сумерек и при благоприятных климатических условиях над Ивантеевкой зависают нежные аккорды мощностью в 100 ватт.

«Па-па. Па-па-ра-ру-ра-мпа!!!»

Вы спросите: а при чем здесь ватты? Дело в том, что в роли соседа выступает целый ансамбль с энерговооруженными инструментами. Обслуживает музсосед танцевальную веранду клуба имени Первого мая.

Некоторым капризным гражданам, проживающим поблизости, почему-то не понравилось музыкальное соседство. Им отчего-то тишины захотелось. Пошли они к дирекции клуба. А им в ответ:

— У нас, граждане, план горит, шуточное ли дело—такой конкурент сильный объявился.

О каком же конкуренте речь? Может, «Поющие гитары» вызвали на соревнование? Дело серьезное.

Ан, нет! Выяснилось, что здесь замешана другая танцевальная веранда в городском парке.

— Но ничего,— оптимистически сказала дирекция,— наша возьмет, у нас билет на гривенник подешевле. И музыка погромче.

«Па-па. Па-па-ра-ру-ра-мпа!!!»

Обратились граждане в Московский областной комитет профсоюза рабочих текстильной и легкой промышленности. Вскоре оттуда пришел ответ. В нем говорилось о том, что меры приняты и что...

1. Уменьшена громкость звуковых колонок.
2. На танцевальную веранду приглашен ансамбль, имеющий разрешение и утвержденный репертуар.
3. Танцевальные вечера в 22 часа 15 минут уже заканчиваются.

— Да,—подтверждает директор клуба Леонов,— у нас все нормально. Мощность убавили. А к 23.00 вообще берем последний аккорд.

— Ничего подобного,— возражают соседи,— веранда попрежнему низвергает громовые раскаты до полуночи.

«Па-па. Па-па-ра-ру-ра-мпа!!!»

Беседую с работниками клуба.

— У нас контингент постоянный, а репертуар утвержденный. Многие песни ансамбля танцоры заучили, что называется, наизусть.

— Ну, а если кому-то они не нравятся? На нервы действуют...

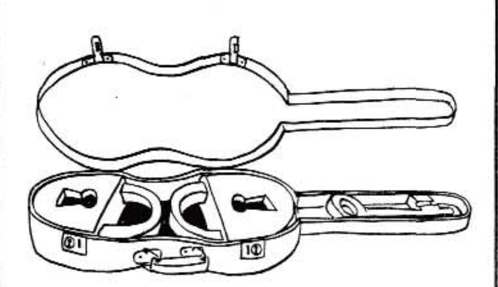
— Это—дело вкуса. А у нас план.

«Па-па. Па-па-ра-ру-ра-мпа!!!»

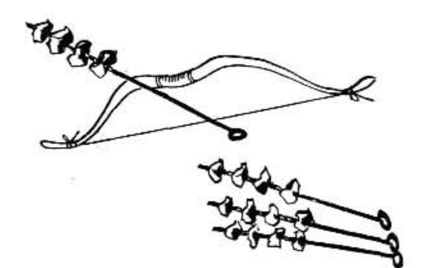
Д. СУКОНЦЕВ

В. САФОНОВ

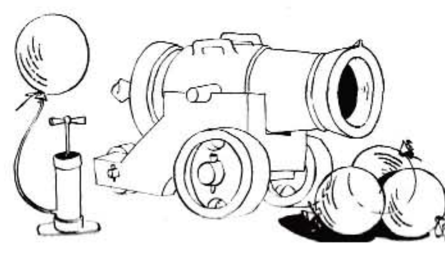
ШИРПОТРЕБ КРОКОДИЛА ДЛЯ:

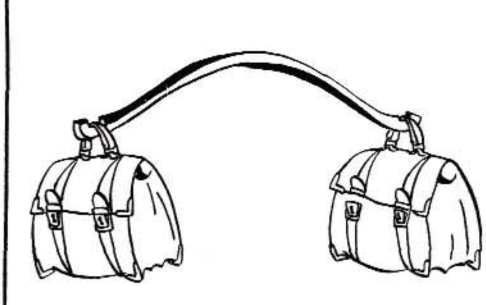
завклубом

официанта

любителя самокритики

совместителя

летуна.

В нашем цехе

11 ноября исполнилось 85 лет со дня рождения известного украинского сатирика и юмориста Остапа Вишни.

Предлагаем вниманию читателей одну из его ранних юморесок. На русский язык она переведена впервые.

СПОРТ НА СЕЛЕ И ВООБЩЕ

Немножко про спорт на селе.

В городе дело со спортом стоит на правильном пути. Если еще не все в футбол играют, то, наверное, нет ни одного сознательного гражданина, который бы не знал, что такое хавбек, что такое голкипер и когда именно надо бить по воротам.

На селе же, правда, со спортом мы замешкались.

Обвинять село в том, что оно безразлично к спорту, не приходится.

Село любит спорт и любило его с давних времен.

Вспомним.

Детство.

Наперегонки. Это ж теперешний марафонский бег. Ни тебе правил особых. Поднял рубашку, чтоб меж ногами не путалась, и чешешь от Васыля до базара...

Но дело даже не в правилах, важен сам факт.

Существуют различные виды спорта.

Ворота, например, на хату вспереть. Или незаметно для хозяев затащить на клуню корову...

Это уже в парубковом возрасте.

Позже, как борода загрязнит лицо, спорт становится солиднее: вола или лошадь свалить за хвост.

Перетягивание на оглоблях. Это чаще после ярмарки, по дороге домой, среди шляха:

— Тпрру! А ну кто кого!

Выпрягают лошадей, снимают с воза оглоблю, садятся друг против друга, упираются друг в дружку ногами, хватаются руками за оглоблю и тянут — глаза на лоб лезут.

Когда оглобля поломается, хлоп обломком по голове:

— Не ломай оглоблю!

Еще из распространенных видов спорта на селе можно указать на перекидывание арбы с сеном или со снопами и на кулачки.

Про эти виды спорта все знают, не буду я на них останавливаться.

Так что, как видите, спорт на селе был и есть...

Но спорт этот ни под какую категорию общепризнанного спорта не подходит, и упорядочить его каким-нибудь правилом нельзя...

Ну какие вы правила придумаете хотя бы для того, чтобы затащить корову на клуню?

Очень трудно. И коровы разные, и клуни разные, и люди разные — где их уже там под какую-то одну мерку подогнать!

Так что и на селе придется переходить на футбол.

Футбол на селе уже появился. И имеет успех.

Вызывает он недовольство у родителей не сутью своею, а больше тем, что сапог не напасешься.

— Ты, бестолочь, гоняешь мяч, так гоняй без сапог. Где я тебе гроши на сапоги буду брать?

А так против футбола особых возражений нет.

— Пускай бегает сукин сын. Набегается, меньше с девчатами будет ржать.

И еще прижимистые старики, втянутые ропщущими старухами в дискуссию об эстетической стороне футбола, ворчат:

— Вот бы даже и тех коротеньких штанишек не было. Вот бы им железные... Ну дерут же, ну дерут — и, господи ж, горит на них усё!

Футбол, очевидно, и на селе, как и в городе, займет почетное место среди способов разумного развлечения.

Про одно только следует подумать. А именно: не перенести ли футбол в селе на зиму... Чтоб зимою голы забивать. А ну охватит футбольная эпидемия и село так, как и город, кто будет скот пасти, кто будет пахать, сеять, жать?

Тут тебе рожь косить, а оно как раз матч — Тарановка против Водолаги...

Может рожь перестоять...

. . . .

А вообще спорт — штука полезная и куда приятней синусов с косинусами...

(Журнал «Червоний перець» № 9 за 1927 год)

Перевел с украинского А. САНЖАРОВСКИЙ.

ЭКСКУРСИЯ В ПОЗАБЫТОЕ

Все меньше коренных москвичей могут припомнить времена, когда по заросшим травой дворикам ходили горластые старьевщики в длинных халатах с полосатыми мешками за спиной и коренастые мужички с точильными станками через плечо. Колоритные шарманщики на бульварах крутили «Кирпичики», бродячий фокусник у памятника Пушкину глотал огонь и шпаги, а в сквере у Большого театра цыган с серьгой в ухе заставлял плясать медведя с кольцом в носу... В этой пестрой толпе находили своих персонажей карикатуристы только что родившегося журнала «Крокодил». Был среди них и молодой художник из Сибири Иван Чашников, ученик К. Коровина, С. Иванова, друг М. Черемныха.

Недавно Союз художников РСФСР организовал выставку работ И. Д. Чашникова. Среди лирических пейзажей новой России интересно смотрелись острые типажи из серии «Уходящая Россия», созданной художником в двадцатых годах. Воспроизводим портрет нэпмана — один из рисунков этого графического цикла.

ПЕРРОН БУРЛИЛ...

Обычно на перронах волнуются из-за причин сугубо частного характера. Расстаются с юностью и любимыми. Провожают начальство. Встречаются с тещей и другими родственниками.

Жительница Красноармейска, Донецкой области, Р. П. Прищепа больше волновалась за железную дорогу, потому что провожала сына учиться.

Перрон, где она провожала, бурлил, как когда-то знаменитая одесская толкучка в часы «пик». Не потому он бурлил, что публики на одесский поезд садилось много. Публики с билетами было тринадцать человек, но проводники сажать ее не желали, и тринадцать в своем бурлении создавали видимость большого отряда.

Сначала обилеченные, как и полагается дисциплинированным пассажирам, потянулись к вагону номер тринадцать, потому что он был указан в билетах. Но проводник заклинил собою дверной проем.

— Все занято! — отмел проводник пассажиров.— Шуруй в двенадцатый...

— Как же в двенадцатый, когда билеты в тринадцатый? Бригадир вашего поезда Черных давал в кассу сведения!

Но времени на глубокий и обстоятельный анализ расписанием поездов *отпущено не было.* Поезд Ростов-на-Дону — Одесса отбывал, и обилеченные, взвыв, кинулись к двенадцатому вагону.

Проводник его уже стоял в дверях. Он ждал. Но руки его не держали рушник с хлебом-солью, они были приварены к поручням, а взгляд сверкал гневом.

— Куда прешь?! — осадил он толпу.— В четырнадцатый давай!..

А поезд между тем споровисто тронулся.

Четырнадцатый настигли лишь самые тренированные. Счастливчики зыбко повисли на ступенях и поручнях.

И тут провожающая Р. П. Прищепа глубоко взволновалась, потому что не могла так быстро бежать и подсаживать сына.

— Остановите поезд! — громко воскликнула она.

— Стоп-кран сорвите! — поддержали ее трубными голосами остальные непоспевающие.

И пытавшийся вероломно удрать поезд взвизгнул, застыл. А коли он застыл, то дежурный по вокзалу А. Коломоец само собой обвинил Прищепу в нетрезвых действиях и даже предложил ее освидетельствовать.

К счастью, милиция находилась рядом и призвала стороны не выходить из рамок. В дальнейшем же разговор продолжался в кабинете начальника станции М. Л. Вайсман. Майя Лазаревна очень сожалела о случившемся и немедленно отправила в одесский резерв проводников телеграмму: «При прибытии поезда № 133 Ростов-на-Дону — Одесса проводники не вышли на посадку... Ни один пассажир не был взят... Красный сигнал не был выставлен... В результате только случайно не произошло несчастного случая. Прошу дать ответ».

Ни один из тринадцати пассажиров — плохая статистика. И в следующий раз, реагируя на телеграмму, одесские проводники на поезд Ворошиловград — Одесса постарались не взять ни одного человека из сорока.

И они бы их, конечно, не взяли, кабы не был задержан на двадцать минут ввиду этого поезд.

А что же дальше? А ничего. И скоро, видимо, вообще не захотят останавливаться в Красноармейске одесские поезда.

А. НАУМОВ.

Анатолий ТИТОВ

ПРУЖИНА

Рассказ

— Иван Иванович, план горит! — Диспетчер цеха мелких изделий в полной растерянности села на стул.

— А что задерживает-то?

— Пружина подводит, Иван Иванович. Нам ее буквально на днях включили в месячный план.

— Ладно. Я переговорю с плановиками и попрошу пересмотреть сроки.

Плановики, хотя и с большим скрипом, согласились отодвинуть срок изготовления пружины ровно на месяц. А что такое месяц для цеха, предельно загруженного плановой работой? Мгновение, не больше.

— Иван Иванович, план горит! — нервно перебирая в руках какие-то бумажки, сообщила диспетчер.— И снова подводит эта злосчастная пружина. Будь она неладна!

— В чем конкретно затор?

— Все дело в том, Иван Иванович, что технология изготовления этой пружины очень сложная и трудоемкая. По технологическому процессу полагаются спецприспособления, которых мы не имеем и изготовить сами не сможем. Нет у нас необходимой оснастки.

— Удивляюсь, почему технологи, зная прекрасно наше оборудование, пропускают такую работу? Причем это уже не первый случай! Правда, мы всегда умели выходить из трудных ситуаций. Может быть, и сейчас попробовать? Пригласите в цех конструктора пружины, объясните ему наши затруднения. В конце концов требуется всего лишь изменить профиль изделия.

— Если бы я этого, Иван Иванович, уже не предприняла, я бы к вам за советом не пришла. Но конструктор категорически отказался менять что-либо в чертеже. Он сказал, что за границей такие пружины давно освоены, стыдно, мол, и нам отставать. Дерзайте, говорит, и у вас все получится.

— Значит, не согласен? Надо искать выход.

На этот раз плановый отдел запротестовал насчет переноса срока. План цеха был сорван.

Желая избежать такой же ситуации в следующем месяце, начальник цеха взял процесс изготовления пружины под личный контроль. Однако дело не ладилось, все изделия шли в брак.

— Мы стоим перед угрозой срыва годового плана,— доложил директору завода начальник планового отдела.— Цех мелких изделий систематически не справляется с программой.

— Причина?

— Не могут наладить изготовление элементарной пружины. Дело плевое, а затянули на целый квартал.

— В какой агрегат она входит и как отразится задержка в ее изготовлении на наших взаимоотношениях с заказчиком? — спросил директор.

Однако ни начальник планового отдела, ни начальник цеха мелких изделий не смогли ответить на первую половину вопроса ничего вразумительного. Ситуация осложнялась, и тогда директор пригласил к себе конструктора.

— Мы с товарищами-производственниками находимся в крайне затруднительном положении. Через месяц завод обязан сдать заказчику важный узел. Но нам до сих пор не удалось освоить изготовление пружины. Помогите выйти из крайне неприятного положения. Профиль пружины надо будет изменить. А сейчас я хочу разобраться в следующем: какие нагрузки испытывает эта пружина? В сборочном чертеже мы не смогли ее обнаружить.

— Ее здесь действительно нет,— сказал конструктор.

— Ко всем прочим неприятностям еще и в документации допущена ошибка. Пружина не попала в сборочный чертеж, и весь узел, как не соответствующий технологическим требованиям заказчика, надо браковать. Так ведь выходит? — строго спросил директор.

— Нет,— тихо ответил конструктор.— Ей здесь и быть не полагается.

— Где же тогда ей полагается быть? — злился директор.— Цех из месяца в месяц не выполняет из-за нее план, а мы даже и не знаем, где место этой пружине.

— Теперь мы этот вопрос решим в рабочем порядке,— стараясь смягчить обстановку, сказал начальник планового отдела.

— Мы его решим здесь, сейчас, раз и навсегда,— ответил директор.— Конструктор обязан знать, куда входит любая деталь, которую он разработал. И я жду от него четкого ответа.

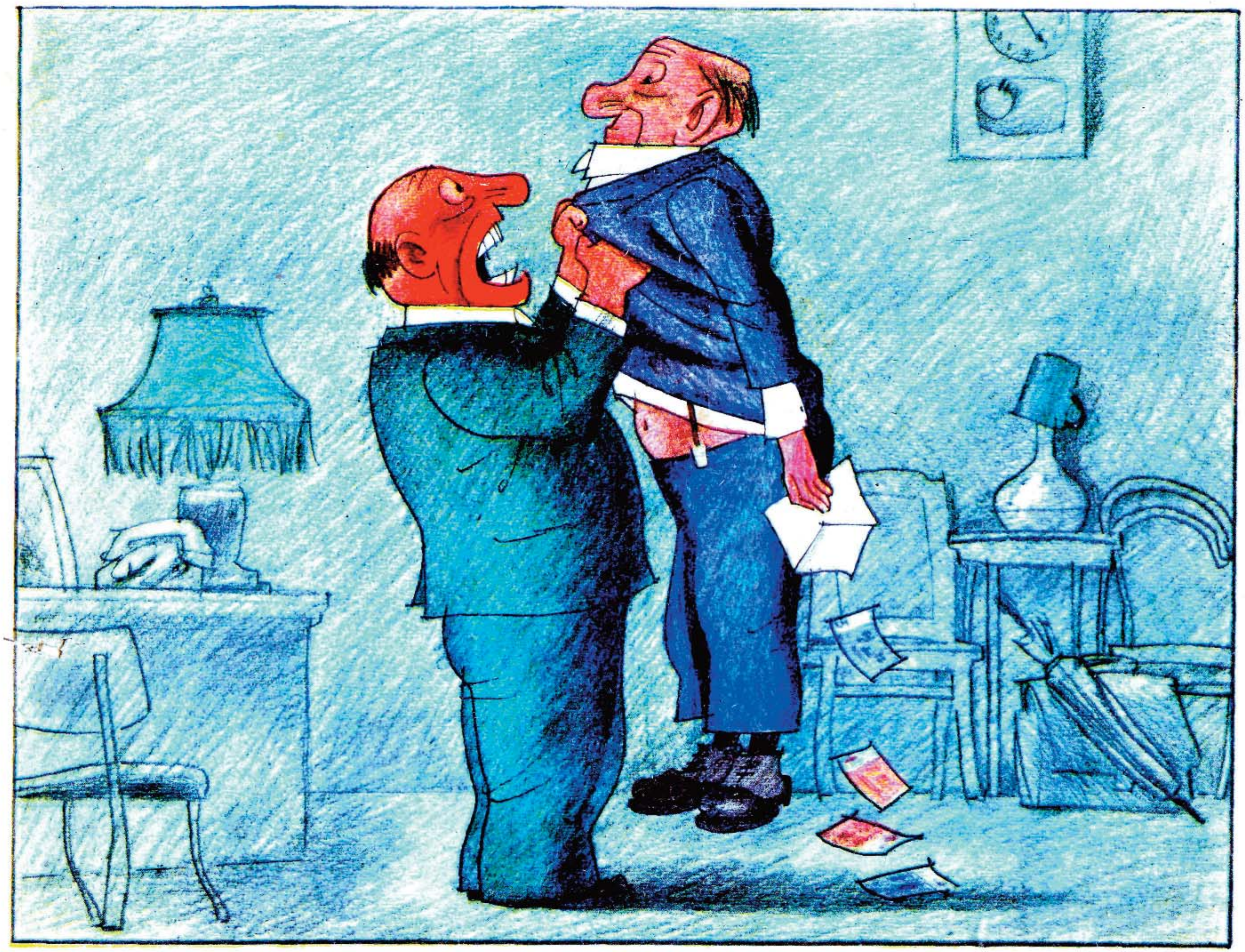
Конструктор, весь красный от смущения, переминался с ноги на ногу.

— Это я ее для своих нужд заказал,— наконец выговорил он.— Хотел приспособить в ружье для подводной охоты.

— Это вы, вы...

Необыкновенной силы пружина пришла в действие.

г. Ленинград.

— Я заместитель заведующего, а ты мне в лапу суешь как рядовому сотруднику!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

В Бостоне (США) бесчинствуют расисты, выступающие против повместного обучения белых и черных детей.

Старый, добрый вальс «Бостон»...

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ПОПУТНОГО ВЕТРА, АДМИРАЛ!

Я. МАЛЫКИН

Недавно на рекламных щитах крупнейших западных городов, омываемых Средиземным морем, среди слезных призывов («Ищу няню»), деклараций («Учу правилам хорошего тона и обращению с финкой»), деловых информаций («Пишу ногами») появилось и такое объявление:

СРОЧНО СНИМУ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РАЙОНЕ УЧАСТОК, ПРИГОДНЫЙ ПОД ВОЕННУЮ БАЗУ. ЖЕЛАТЕЛЬНО С ВИДОМ НА МОРЕ, ВБЛИЗИ ГРАНИЦ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ. ЗВОНИТЬ: НЕАПОЛЬ, КОМАНДОВАНИЕ СИЛАМИ НАТО В ЮЖНОЙ ЗОНЕ ЕВРОПЫ. СПРОСИТЬ АДМИРАЛА МИНСА ДЖОНСОНА

— Алло!

— Слушаю! Кто говорит?

— Испанский граф Хосе де Каудильо. Мне бы адмирала Джонсона.

— Я слушаю.

— Объявление давали?

— Давали.

— Так что вам, собственно, нужно?

— Дело вот какого рода. После того как Греция объявила о своем выходе из военного комитета НАТО, весьма возможно, нам придется убираться оттуда со всеми своими базами. А куда? Вот мы и надумали обратиться, так сказать, к частному сектору.

— Понятно. А хозяйство у вас в Греции большое?

— Слава богу! Ракетный полигон на острове Крит, военно-морская и авиационные базы, натовские центры связи, военные склады близ Афин, в Салониках, Марафоне, на Корфу. Да еще 6-й флот США надо куда-то приткнуть...

— Да, порядочно. А народу много ли?

— Так тысячи четыре только американских военнослужащих да еще военные части других стран НАТО. Ну, а что вы, граф, можете предложить?

— У меня есть для вас хороший вариант. Могу вам предложить фамильный заливчик, куда войдет весь ваш 6-й флот...

— Голубчик!

— Да еще на берегу вам выделю место для вспомогательных служб...

— Отец родной! Западная цивилизация вас не забудет... Памятник при жизни.

— Ну, а что касается условий...

— Да стоит ли об этом, граф, говорить! Заплатим, не пожалеем. Говорите, почем берете?

— Беру натурой.

— Как это? Что-то не пойму...

— А тут и понимать нечего. Я вам даю стоянку для флота, а флот работает на меня.

— То есть?

— Ну, скажем, авианосец «Форрестол», я думаю, можно бросить на транспортировку капусты. У меня брюссельская капуста хорошо родится. Крейсер «Литл-рок» возил бы шифер...

— Благодарю, граф. Ваше предложение нас не устраивает.

Через некоторое время телефон снова зазвонил.

— Алле! Кха-кха!..

— Бабушка, вы, наверно, не туда попали.

— То есть как это не туда? Я по объявлению...

— Тогда слушаю.

— У меня около Стамбула есть очень хорошее место, на него давно военные зарятся...

— Очень хорошо, бабушка!

— Так вот, согласна отдать его вам. Но у меня там пасутся козы.

— А при чем тут козы?

— А куда я их дену?

— Найдем, бабуся, и для них место.

— Но только у меня условие. Выделите кого-нибудь, у кого позументов поболе, чтобы, понимаешь, поярче было, скажем, генерала с эполетами.

— А это зачем?

— Так ведь коз пасти, а то я старенькая... И на огород вместо пугала.

Вслед за тем в телефоне раздался бодрый деловой голос:

— Адмирал Джонсон, с вами говорит бывший военный. Понимаю толк и в стратегии и в тактике. Значит, так. Могу вам предложить территорию от Тигра до Евфрата, Переднюю Азию, Месопотамию, Иран...

— Позвольте! — вскричал адмирал.— Кто со мной говорит?

— Александр Македонский. Кроме того...

Дальнейших предложений адмирал не услышал. В трубке послышались звуки борьбы, возгласы: «Руки, руки ему держи! А теперь надевай рубашку, надевай, говорю!»

Адмирал все понял: «Докатились, дожили! Вот уже и сумасшедшие звонят... Но что же делать, куда деваться?». И адмирал с тоской вспомнил, как на недавнем совещании в Гамбурге высшие военные чины НАТО уже ломали головы, куда переводить базы, но так ни к чему и не пришли.

Между тем телефон зазвонил вновь. Вздохнув, Джонсон взял трубку.

— Это вы, адмирал? Хотите хороший совет? Собирайте-ка свои натовские монатки, грузите на 6-й флот и дуйте с иностранных баз по своим домам. Воздух чище будет на Средиземном море, да и вода тоже. Подумайте, пока не поздно. Попутного вам ветра, адмирал!

Опора чилийской хунты

Рисунок М. АБРАМОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«В библиотеке я нахожу книги на все вкусы. Особенно нравятся зав. Биб-кой Прокопович и Шаркова».

(Из книги благодарностей).

Прислал А. Петров, Новгородская область.

«Г-н Калиновский Л. Л. следовал по улице без номерного знака. Г-н Калиновский предупрежден».

(Из журнала народной дружины).

Выписала Л. Писарева, г. Резекне.

«Обед с 24.VII—74
I очередь сварочный обед
II очередь сборочный.

(Расписание в столовой завода геологоразведочного оборудования).

Копию снял Б. Федосеев, г. Барнаул.

«Вопрос: Почему Вы стали продавать яйцо по 14 коп. за штуку вместо 10 копеек, а набор конфет по 1 рублю 0,5 коп. вместо 93 коп. за пакет?

Ответ: Днем я была на кухне ресторана и слышала, что инспектор БХСС Сапранов будет проверять торговых работников за их работой и чтобы обратить его внимание ко мне и посоветоваться по личному вопросу, я решила обсчитать граждан».

(Из протокола допроса).

Выписал А. Помыткин, г. Барнаул.

Устин МАЛАПАГИН

ТАМ, ГДЕ ВЯЖУТ КРУЖЕВА

В мнениях и рассуждениях о ЦРУ очень много предвзятого, и я берусь это доказать.

Знаете ли вы, например, что комплекс зданий ЦРУ расположен в красивейшем зеленом парке Лангли в окрестностях Вашингтона? Вы идете по тенистым аллеям, любуетесь добротным викторианским ландшафтом, внимаете пению птиц, и вам становится ясно, что обитатели этого Парка культуры и отдыха разведчиков не могут быть теми, кем последнее время их повсеместно принято считать. Не могут они быть нехорошими людьми.

Утверждение директора ЦРУ Уильяма Колби о том, что в период между 1970 и 1973 годами правительство США выделило более 8 миллионов долларов на тайные операции ЦРУ в Чили, направленные на **«дестабилизацию»** правительства Альенде, вызывает на фоне лангльских кущ досадное недоумение.

В мягком вечернем воздухе слово «дестабилизация» звучит мирно и незлобиво, как «окучивание». Будь вокруг хоть чуточку не так дивно, а трава газона не так зелена, можно было бы поверить Лоренсу Бирнсу из «Нью-Йорк таймс».

Дестабилизация, утверждает мистер Бирнс,— это планомерная кампания экономического удушения Чили, а потом удушения и натурального: в результате военного переворота, профинансированного ЦРУ, убиты или погибли от пыток более 30 тысяч человек.

Отнесем это заявление американского журналиста к влиянию нервозной обстановки большого города, жаре, смогу и инфляции, понюхаем гвоздику на клумбе и войдем в светлое здание ЦРУ, уютно расположившееся в парке Лангли.

Вестибюль. Коридор 12 метров в ширину, пятнадцать стеклянных дверей... Мрамор, пластик, алюминий. Нет, вы как хотите, а в таком здании могут трудиться только безупречно честные и химически чистые люди.

Разве может дурно думать и поступать глава лангльской обители мистер Колби?

Увы, несмотря на широту коридора, мрамор и баюкающие, как уютные колыбели, кресла дома Лангли, члены конгресса США не совсем уверены в мистере Колби. Недавно его вызвали в конгресс и припомнили участие в программе «умиротворения» Южного Вьетнама, и в частности операции «Феникс», предназначенной для того, чтобы «стереть с лица земли инфраструктуру Вьетконга».

Как и «дестабилизация», слово «инфраструктура» имеет свой человеческий эквивалент. В свое время операция «Феникс» стоила жизни 20 тысячам мирных жителей Южного Вьетнама.

— Сколько людей вы убили? — спросил у Колби один из членов комиссии.

— Я никого не убивал,— ответил мистер Колби.— Мы у себя в Лангли этим не занимаемся.

Чем занимаются мастера разведки в Лангли, мы узнаем из статьи Давида Биндера в венесуэльской газете «Насиональ». И, честно говоря, радуемся тому, что узнаем.

«Каждую неделю по средам и пятницам,— сообщает Биндер,— сотрудники ЦРУ занимаются на курсах вязания». Каково?!

Ну, что вы теперь скажете, маловеры и злопыхатели? Что скажете вы, мистер Эдвард Кеннеди? Вы по-прежнему настаиваете, что показания директора ЦРУ Колби «свидетельствуют о прямом вмешательстве в дела Чили», что действия эти «проводились без санкции конгресса и втайне от него»?

Ну, посудите сами, может ли сотрудник ЦРУ, застенчивый верзила, вяжущий из розового мохера кофту для любимой жены или вышивающий гладью, может ли он участвовать в «дестабилизации» Чили, «клинической чистке» Вьетнама или установке подслушивающей аппаратуры во дворце президента Коста-Рики?

Любому, когда-либо державшему в руках спицы, ясно, что это все вещи несовместимые — вязание поглощает время без остатка.

Итак, ЦРУ. Его очернители по-прежнему утверждают, что это разбойник с большой дороги, «рыцарь плаща и кинжала».

А знают ли очернители, что в белом замке в Лангли, по свидетельству того же Д. Биндера и венесуэльской газеты «Насиональ», интеллектуальная жизнь бьет ключом? Здесь работает кружок художественной самодеятельности, и веселые джентльмены разыгрывают забавные детские пьесы!

Кроме того, большое распространение в ведомстве получило собирание марок и монет.

Узнав такую *милую подробность* цэрэувских будней, всякий непредвзятый человек может понять, почему сегодня появления сотрудника ЦРУ можно ждать в любой момент и в любой точке земного шара.

Его влечет туда исключительно филателия. Интерес к редким маркам. А людям чудится черт знает что. Стоило отдельным филателистам в штатском из Штатов появиться недавно в Италии, как тут же еженедельник «Панорама» заявил: «ЦРУ хочет вызвать раскол Итальянской конфедерации профсоюзов трудящихся (ИКПТ) и *Итальянского союза* труда (ИСТ) и создать антикоммунистическое профсоюзное объединение!»

То же самое с монетами. Нумизматы из ЦРУ решили щедро поделиться фондами своей коллекции с индийцами. Казалось бы, мило, благородно? А посмотрите, что из этого вышло. Немедленно, тут же, лондонская газета «Обсервер» опубликовала сообщение своего корреспондента Уолтера Шварца из Дели под заголовком «Теперь подрывных действий ЦРУ опасается Индия». Выяснилось, что, встревоженное ролью ЦРУ в чилийской трагедии, правительство Индии внесло на рассмотрение проект закона о контроле над притоком секретных иностранных фондов в Индию!

Ну, хорошо. Марки — посягательство. *Монеты* — вмешательство.

А игровые комнаты в подвалах здания? Попрошу без двусмысленных улыбок, именно игровые, а не то, что вы думаете. Бывший глава ЦРУ Ричард Хелмс, тот самый, что скрытно финансировал кровавую баню в Чили, по свидетельству Д. Биндера, обожал гонять на го-картах (миниавтомобильчиках) по каучуковым дорожкам в подвалах ЦРУ. Разве это не стопроцентное алиби для Хелмса? Нельзя же убивать чилийцев и одновременно носиться на го-карте.

Если я все еще не убедил вас в *безукоризненном моральном облике* обитателей Лангли, могу добавить, что в кафетерии ЦРУ — самообслуживание. Обычный обед стоит всего доллар восемьдесят центов. Особенно, по свидетельству Биндера, любят сотрудники холодный чай. От Биндера мы узнали, что в стенах ЦРУ проводятся выставки абстрактных картин, написанных талантливыми самоучками — агентами ЦРУ. Давид Биндер отмечает также «склонность многих сотрудников к разведению цветов, за которыми они тщательно ухаживают. У них сильно развита любовь к собакам, кошкам и иным самым необычным животным».

Я чувствую, что напрасно стараюсь,— мне так и не удастся вас ни в чем убедить. Стоит указать на любовь сотрудников ЦРУ к «самым необычным животным», как тут же возникает *стереотипная* цепочка: необычное животное — экзотическое животное — экзотическая страна, родина экзотического животного — поездка в экзотическую страну за экзотическим животным—вмешательство в дела экзотической страны...

Что ж, дело ваше. Можете попрежнему видеть в ЦРУ скопище шпионов, диверсантов и убийц.

Лично я с вами не согласен. Я мысленно рисую облик усредненного обитателя зеленого рая разведчиков в Лангли. Передо мной встает белозубый здоровяк с голубыми глазами *младенца*, склонившийся с секатором в руках над грядкой роз сорта «Чилийская заря». Вечером, выпив дюжину стаканов холодного чая и съев типовой обед за доллар с небольшим, он напишет маслом что-нибудь абстрактное или споет арию кавалера Дегрие в сопровождении секстета банджо.

Остальные сотрудники ЦРУ во главе с мистером Колби будут внимать ему, ненароком смахивая в наиболее трогательных местах скупую разведслезу.

Юрий БЛАГОВ

ОДЕССИЗМЫ

Известно, что услышанное в Одессе не услышишь больше нигде. Вот что я там недавно записал:

Таксист кричит старику, замешкавшемуся на дороге:

— Эй, чудак, не ходи без мамы!..

Продавец мясного отдела говорит покупательнице:

— Что вы мне говорите кости, кости,— без костей бывает только сметана!

Новичку на пляже:

— У вас брынзовый загар...

Реплика в трамвае:

— Не нервничай мамаша, не мни лицо!

Пожелание разгневанного одессита:

— Чтоб к тебе родственники на все лето приехали!..

Александр АЛЕКСЕЙЧИК

ПАМЯТНИК

Рассказ

В отделе, куда я пришел работать, обстановка была явно нездоровой: сотрудники до ошалелости боялись начальника. Разговаривая с ним, они обычно терялись, несли что-то невпопад и вообще страшно извинялись за то, что ослушались, посмели, позволили себе... После этого им приходилось выслушивать много чего разного и нехорошего.

Однажды я не выдержал:

— Что вы все перед ним трясетесь? Неужели ни у кого не хватает смелости поставить на место бюрократа и самодура?!

Кто-то заметил, что на мою смелость интересно будет посмотреть со стороны. Вот вызовет меня начальник...

Я усмехнулся и сказал:

— Я не буду ждать, пока он вызовет.

Без стука я зашел к начальнику и начал говорить. Полчаса длился мой монолог, и полчаса начальник сидел с открытым ртом. Такие выступления надо записывать, но, я думаю, он и так хорошо запомнил все, что я говорил.

Когда я вышел в коридор, там уже собралась толпа сотрудников. Меня встречали как победителя. Каждый старался пожать мне руку. Откуда-то появились цветы, их протягивали мне, кидали под ноги. Шум стоял невообразимый.

Потом меня подняли на руки и понесли. Из каждой лаборатории выбегали младшие научные сотрудники и даже кое-кто из старших и, узнав, в чем дело, восторженно присоединялись к этой стихийной демонстрации в честь моего самоотверженного поступка.

Неожиданно я заметил, что в общей толпе идет наш начальник. Причем он не просто шел, а активно поддерживал рукой мою ногу и, сморкаясь, вытирал галстуком мокрые глаза.

Я хотел встать и спросить, почему же он здесь, в этой колонне. Начальник опередил меня.

— Спасибо,— пробормотал он, всхлипывая,— я все понял.— И, оставив мою ногу, залился слезами.

Да, это было прекрасно!

Меня пронесли по всем коридорам и вынесли на улицу.

Я плыл весь в цветах над огромной толпой...

В конце улицы рабочие копали яму. Туда мы и направились.

«Хоронить, что ли?» — мелькнуло у меня.

Оказалось совсем наоборот— срочно воздвигали постамент. Пока работа заканчивалась, один из сотрудников вышел вперед и сказал, обращаясь ко всем:

— Сегодня мы были свидетелями беспримерного мужества, проявленного нашим дорогим товарищем. Пусть навсегда останется в наших сердцах память об этом.

Под громкие крики меня поставили на мраморный пьедестал. Ноги мои подгибались от гордости, счастья и от чего-то еще.

На постаменте было написано: «Пыжиков — человек и гражданин».

Ниже один из рабочих писал золотом какие-то цифры.

Все еще раз крикнули «ура» и стали расходиться.

— А мне-то как? — закричал я.— Как мне слезть отсюда?

— Зачем слезать,— сказал рабочий, закончив писать цифры,— вы заслужили.

И он пошел прочь, вытирая руки...

г. Минск.

У ВРАТ РАЯ

— Ничто человеческое им не чуждо!

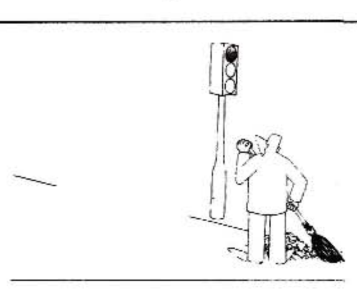
Рисунок В. ЧИЖИКОВА

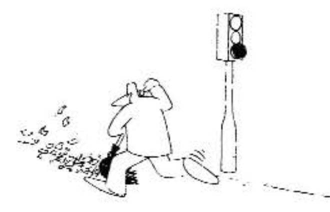
УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Клерк входит в кабинет начальника и выливает чернила ему на лысину. Потом принимается плясать на его столе. Но тут в комнату заглядывает другой клерк и громким шепотом говорит:

— Смит, прекрати! Ты не получил миллион в наследство. Мы пошутили!

●

«Ойленшпигель», ГДР.

Ю. ДЕБСКИ (Польша)

ПРИЕМ

— Вы к кому? — спросила девица, сидящая за секретарским столиком.

— К самому заведующему! — ответил с угрозой в голосе мужчина средних лет.

— По какому вопросу?

— У меня жалоба! Вы взгляните, как ваша сотрудница постирала мне рубашки. Что это за работа? Грязные потеки, дырка во всю спину. Вот...

— Простите, но это вы расскажите пану заведующему. Ваше имя?

— Варга Франек.

— Адрес?

— Фазулова, семьдесят пять, квартира восемь.

— Все в порядке, записала,— сказала девица, откладывая толстую книгу.— Можете входить.

Когда этот мужчина скрылся за обитой кожей дверью кабинета, девица обратилась ко мне:

— Вы тоже к пану заведующему?

— Тоже.

— Имя?

— Зачем вам мое имя?

— Для записи в книге регистрации.

— Это еще зачем?

— Для информации.

— Мне не нужна никакая информация.

— Вот как!—рассердилась девица.— Вы что, первый раз у нас?

— Да! И поэтому я не понимаю, к чему эта бюрократия?

— Бюрократия? Как раз наоборот — забота о посетителях. Впрочем, вы сейчас сами убедитесь.

Не успела она это сказать, как из кабинета заведующего, словно ошпаренный, выскочил посетитель, только что туда вошедший. Дико вращая глазами, он вскричал:

— Люди! Где я?! Кто я?! На каком я свете?!

— Сейчас вам скажу,— спокойно ответствовала девица, заглядывая в свою книгу: — Вас зовут Франек Варга.

— Откуда я?!

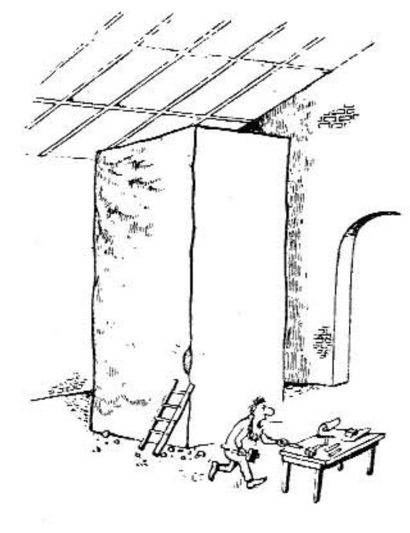
— С улицы Фазулова, семьдесят пять, квартира восемь.

— А как... как отсюда выйти? — уже тише спросил мужчина, озираясь по сторонам и придерживая дрожащей рукой распотрошенный сверток с рубашками.

— Вот в эту дверь, прошу вас! — Девица любезно распахнула выходную дверь.

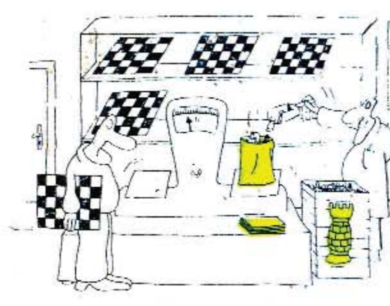
Опередив незадачливого посетителя, я выскользнул из приемной первым.

Перевел Б. РОЩАХОВСКИЙ.

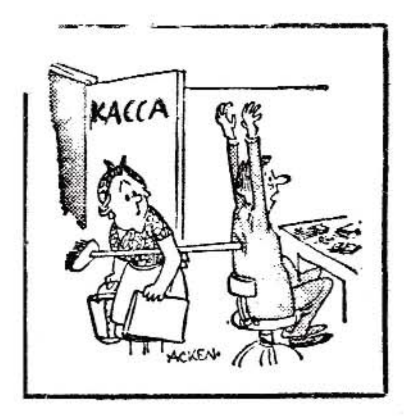
— Пожалуй, на сегодня хватит.

«Благ», Франция.

«Рогач», Чехословакия.

УЛЫБКИ

Условный рефлекс.

«Суар иллюстре», Бельгия.

Вечером муж нервно расхаживает перед домом.

— Тревожусь о своей жене,— объясняет он соседу.

— А что с ней?

— [illegible] ей мой автомобиль.

●

— Официант, в моем пиве плавает муха!

— Ну и что же? Вы хотите, чтобы я бросил ей спасательный круг?

●

Шофер говорит пассажиру-габровцу:

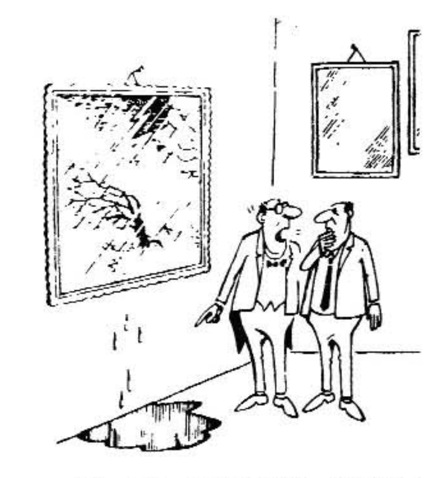
— У меня отказали тормоза, и мы летим в пропасть!

— В таком случае выключите счетчик! — мрачно отвечает габровец.

●

— Прошу вас ничего от меня не скрывать, доктор. Сможет ли мой муж после этого ужасного перелома руки еще когда-нибудь мыть посуду?

ШИРОТ

— Да, это, безусловно, реализм.

«Уикэнд», Англия.

Ян БЖЕХВА (Польша)

Семейные узы и музы

— Ах мой чудный, славный,
редкий,
ты же просто польский Гоголь!..
Вымой уши, приоденься,
постригись в манере строгой,
прихвати венок лавровый —
на Варшавском рынке нынче,
словно памятник, поставлю
я тебя, о мой Щедринчик!!.

Эта музыка крутилась
до того упрямо, рьяно,
что приличного мужчину
превратила в графомана.

Перевел Мих. ДВИНСКИЙ.

Жена купила мужу галстук.

— Спасибо, дорогая,— сказал муж.— Я тебе очень благодарен.

— С чем ты будешь носить этот галстук?

— Такой галстук можно носить только с длинной бородой.

●

Адвокат советует своему клиенту:

— Самое лучшее, что вы можете сделать в вашем положении,— это вернуться к своей жене.

— Интересно, а что же, по-вашему, самое худшее?

●

Шотландец приводит молодую жену к зубному врачу. Врач после осмотра больной говорит:

— Три зуба следовало удалить еще три года тому назад...

— До замужества? — восклицает муж.— Тогда я прошу направить счет за лечение ее отцу!

●

Разговаривают дети кинозвезды, которая ждет третьего ребенка.

— А вот интересно,— говорит девочка,— как это мама узнала, что у нее будет ребеночек?

— Ну и глупая же ты! — отвечает ей братишка.— Да ведь об этом написано во всех газетах!

РАЗНЫХ ШИРОТ

КЛУБ ЮМОРИСТОВ

Из Болгарии пришло приятное известие: там открылся Клуб юмористов. Примечательно, что событие это произошло не в столице страны Софии и не в столице болгарского юмора Габрове, а в небольшом городке Пазарджике.

Пазарджик находится примерно в ста километрах от Софии и, несмотря на то, что на карте Болгарии он отмечен еле заметной точкой, в нем, как выяснилось, проживает сорок профессиональных юмористов. Их произведения печатаются не только в местной газете, но и во многих центральных, включая главную сатирическую газету Болгарии «Стыршел».

Мы печатаем сегодня несколько произведений членов Пазарджикского клуба юмористов.

Георгий СПАСОВ

ЩИТ НА ДОРОГЕ

Автомобиль мчался с огромной скоростью. Летел через поля и горы, мимо рек и речушек. Было красиво. Неповторимо.

Внезапно что-то на дороге заставило меня повернуть голову. Справа от шоссе я увидел гигантский пестро раскрашенный щит с большой красивой надписью. Я попытался прочитать, что там написано, отвлекся от руля и ..

Когда я вышел из больницы, я нанял такси и поехал на место происшествия Огромный щит все еще стоял там. На нем было выведено большими красочными буквами:

«Водители! Находясь за рулем, не смотрите по сторонам!»

Денчо ВЛАДИМИРОВ

ПРОИСШЕСТВИЕ В ГОРАХ

В тихое горное село приехал курортник. Пробыл там день-другой и заболел. Лицо у него вытянулось, уши оттопырились. Лежит и не шевелится.

Вызвали доктора. Тот внимательно выслушал его и махнул рукой. Санитары подняли носилки.

Спустя полчаса приезжего доставили на местную лесопилку. Установили носилки в самом шумном цехе и включили моторы.

Не прошло и двух минут, как больной вскочил на ноги и стал заигрывать с местными девушками.

Шум лесопилки возвратил приезжего в привычную городскую атмосферу, и опасность шока от девственной горной тишины миновала.

Перевел Н. ДАВЫДОВ.

Зарядка бюрократа.

Рисунки М. ТОПЧИЙСКОГО

КРОКОДИЛ

№ 32 (2114)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, М. Вайсборд, Г. Иорш, Г. и В. Караваевы, Н. Лисогорский, В. Мохов, В. Мочалов, К. Невлер, Ю. Степанов, Ю. Узбяков, М. Ушац, А. Чикарьков.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 25/X 1974 г. А 11166. Подписано к печати 6/XI 1974 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 550 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 301 750). Изд. № 2694. Заказ № 2972.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.